Светлана
АЛЕШИНА

Неотразимое чудовище

Сериал «Александра»

ЭКСМО

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Светлана Алешина
Неотразимое чудовище (сборник)
Серия «Александра»

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5961719
Алешина С. В. Неотразимое чудовище. Ночь кровавой луны: Повести.: Эксмо-Пресс; Москва; 2000
ISBN 5-04-005782-2

Аннотация

«А может, мне просто перекраситься в серо-буро-малиновый цвет?» – думала Саша Данич, накручивая на палец свой рыжий локон. Ее начальник и друг Лариков, опасаясь за жизнь своей сотрудницы, запретил ей появляться на улицах города: в Тарасове орудует маньяк, убивающий рыжеволосых женщин. Но, расследуя дело очередной клиентки, Александра случайно оказывается втянутой в поиски «любителя» рыженьких и… почти вычисляет его. Но как быть, если нет улик?! Выход один – взять с поличным! И, похоже, ее собственным рыжим кудряшкам суждено сыграть в этом деле решающую роль…

Содержание

Неотразимое чудовище 4
Глава 1 4
Глава 2 21
Глава 3 34
Глава 4 44
Глава 5 57
Глава 6 72
Глава 7 86
Глава 8 100
Конец ознакомительного фрагмента. 106

Светлана Алешина Неотразимое чудовище (сборник)

Неотразимое чудовище

Глава 1

В глубине души каждый из нас все-таки ребенок.

Я, например, обожаю «Детский мир». Обожаю даже не покупать игрушки, а рассматривать их.

С детства я стараюсь хотя бы раз в неделю побывать в этом замечательном магазине.

Сейчас тут можно увидеть столько дивных игрушек, что сердце замирает от восторга при виде этого великолепия.

Так вот – я стояла и смотрела на этот маленький чудесный револьвер, – ну, вылитый «браунинг»!

И наплевать, что стреляет он не пулями калибра «семьдесят два и шесть», а всего лишь маленькими, круглыми «присосками» – дело-то не в этом!

Впрочем, наслаждаться долго этим зрелищем я никак не могла. Работа, господа мои, работа!

С тяжким вздохом я вышла из магазина-сказки в это пошлое и вульгарное бытие, определившее общественное сознание отнюдь не наилучшим образом.

Взглянув на часы, с ужасом убедилась, что опаздываю. Придется бежать до троллейбуса, чтобы вместо полезных ста шагов проехаться в нашем душном транспорте! Лучше, наверное, взять такси. Я почти бегом добралась до Московской и застыла там, подобно изваянию, в ожидании «извозчика».

Рядом со мной притормозил роскошный «Рено», дверь его распахнулась, словно дверца кареты перед Золушкой.

Увы! Я не отношусь к тем глупеньким дамочкам, которые почтут за счастье общение с нынешними «принцами»!

Поэтому я постаралась сделать вид, что ослепла и никаких таких «Рено» с гладенькими, как пасхальный кулич, водилами не вижу.

– Садитесь, – не выдержал незадачливый «принц».

Я покачала головой.

– Почему? – искренне удивился он, еще держа на своем лице самодовольную улыбку.

– Я боюсь, – мило улыбаясь, сообщила я. – В городе бродят сексуальные маньяки…

– Разве я похож? – огорчился он довольно искренне. – Мне говорили, я обаятельный…

– А маньяки бывают очень даже обаятельные, – холодно парировала я, делая шаг к подошедшему троллейбусу. – Пока!

– Подождите, – остановил он меня. – Может быть, вам все-таки будет скучно сегодня вечером?

– Нет, – категорично ответила я. – Не будет!

– И все-таки…

Он всучил мне белый квадратик визитки, который я чисто машинально сжала в кулаке.

Махнув ему рукой, я влезла в переполненный троллейбус, думая о том, что не так уж много заплатила за свои принципы – всего-то небольшая давка!

Белоснежный «Рено» обиженно двинулся с места – ему явно была непонятна девица, предпочитающая старенький троллейбус.

Я взглянула на визитку. Какой-то Мальчевский… Подумаешь, важная персона.

Визитку я выкинула. Поскольку этот тип был мне совершенно не нужен, да и вряд ли настанет момент, когда он мне понадобится!

* * *

Прицелившись, я выстрелила.

Вау!

Прямо в цель!

Я гордо посмотрела на Ларикова и протянула ему игрушечный револьвер.

– Ваша очередь, сэр!

Он принял эффектную позу, прищурился и…

Промазал!

– Вот так тебе, – злорадно сказала я. – Кто из нас молодец?

– Ты, – снисходительно признал он мое превосходство.

– «Полиция Майами. Отдел нравов», – фыркнула я. – Я Дон Джонсон.

– Не понял, – возмутился Ларчик. – И почему это именно ты Дон Джонсон? Еще две минуты назад мне казалось, что ты женщина.

– А у меня сексуальная переориентация, – невозмутимо сообщила я. – Хочу быть мужчиной! Во-первых, тогда за мной не будет охотиться этот монстр…

Я махнула рукой в сторону мрачноватого фоторобота, наклеенного на стене. Этот тип теперь украшал все заведения, связанные с «розысками и происшествиями». Правда, на мой взгляд, еще не один фоторобот не был похож на разыскиваемых. Поэтому мне казалось, что эту рожу Лариков наклеил специально, чтобы меня устрашить. По его мнению, в такое опасное время моя страсть к шатаниям по ночным улицам ни к чему хорошему привести не могла. А так – взглянула Саша на это чудовище, и всякое желание прогуливаться под звездным небом у нее пропало!

– А во-вторых, – мстительно улыбнулась я огородному пугалу на стене, – я лучше стреляю! Поэтому именно я претендую на роль Дона Джонсона!

– Да ради бога, – согласился Лариков. – Я лично куда бо-

лее склонен к мисс Марпл.

Как вы догадались, в нашей работе наступило затишье. В данный момент мы просто сходили с ума от безделья, и нам это, кстати, безумно нравилось. Правда, мы уже находились в той стадии блаженного ничегонеделания, когда недалеко уже был этап раздражения. Но пока я палила по мишени из чудесного маленького пистолетика, как две капли воды похожего на настоящий, а Лариков увлеченно читал мне вслух мрачную газету. В газете рассказывалось про преступления, ежесекундно совершающиеся в родном Тарасове, и было непонятно, почему же мы бездействуем. Правда, меня ни одно из совершенных преступлений не заинтересовало, и я включила телевизор.

О, это было наше последнее приобретение! Этакий маленький дружок, вытеснивший беднягу-бумбокса… Правда, иногда меня мучили угрызения совести, и я все-таки включала «старого друга», но потом являлся Ларчик и самозабвенно впуливал свой взор в экран.

Прекрасно зная, что от громкой читки описаний зверств и ужасов Ларикова может оторвать только созерцание мелькающих на экранчике лиц и фигур, я отвлекла его таким нехитрым способом.

Он затих, уставившись в экран, а я наконец-то вздохнула с облегчением.

Правда, очень скоро мне стало скучно. Делать было попрежнему нечего, только стрелять.

Развернувшись, я посмотрела оценивающе на «монстрилу» и гордо выстрелила прямо в его нос.

– Нечего пугать несчастных девиц, – процедила я сквозь зубы.

Странно, но с образовавшейся вместо носа дыркой маньяк перестал быть страшным. Теперь он был похож на бедного сифилитика.

– Вот так тебе! – с мстительным удовлетворением сказала я маньяку.

И в это время в дверь позвонили.

– Кто-то решил нарушить наш девственный покой, – вздохнула я и пошла открывать.

«Господи, пусть это будет клиент, – взмолилась я по дороге. – Пусть это будет седой и благообразный господин, нуждающийся в нашей помощи, поскольку его юная супруга ступила на скользкий путь греха, соблазненная охранником! А то ведь, господи, очень скоро нам кушать станет нечего!»

Но сегодня господь не был расположен внимать моим молитвам.

На пороге стоял Лешенька Ванцов. Всего лишь.

– Привет, – сказал он, проходя в комнату. – Я шел мимо и жутко хочу жрать. Сашка, солнышко мое, у вас кофе с бутербродами найдется?

– Найдется, – вздохнула я, отдавая ему свой пистолетик. – Пока еще найдется. Сейчас сварю тебе кофе и сделаю гамбургер. Только, бога ради, пока я этим занимаюсь, не ругайся

с моим боссом по своей милой привычке, и не палите друг в друга из револьверов!

– А зачем ты тогда дала мне свой пистолет? – спросил Ванцов. – Я думал, ты именно этого и хотела…

– От вашего остроумия, мсье, у меня начинается изжога, – мрачно сообщила я и отправилась на кухню.

Интересно, подумала я, наблюдая, как на шоколадной поверхности кофе образуется пенка, настанет ли такой момент, когда Ванцов и Лариков сольются в дружеских объятиях?

Наверное, это из области паранормального – признала я, вздохнув. И почему у них такая патологическая несовместимость?

Кофе был готов. Очередь за бутербродами.

Я открыла холодильник и горестно вздохнула. В наличии имелся только крохотный кусочек сыра «Гауда» и та часть колбасной палочки, которая в народе ласково зовется «попкой». Вот такой тебе, Ванцов, гамбургер!

– А вся наша нищета проистекает из двух факторов, – сообщила я равнодушно взирающим на это безобразие небесам. – Из-за телевизора, в который мы вбухали все наличные деньги. И из-за маньяка, который не подпускает клиентов к нашим гостеприимным дверям.

Не знаю уж, при чем тут был маньяк, но раз я так решила, спорить сама с собой не буду. Ни к чему хорошему это не приведет, только к ссоре, а ссориться сама с собой я сегодня не расположена. Сделав бутерброд, украсив его петрушкой

и укропом, я красиво уложила это жалкое подобие еды на тарелку и отправилась в комнату.

Дверь была закрыта. И в комнате царила подозрительная тишь да гладь.

Наверное, они уже друг друга почикали – мрачно решила я. И теперь я осталась одна с двумя трупами и без всякой работы!

Толкнув дверь, я вошла. И вздохнула с облегчением. Они разговаривали очень озабоченно и встревоженно, но вот о чем…

Этого мне узнать не удалось, потому что при моем появлении они мгновенно замолчали и обернулись ко мне с такими фальшивыми улыбочками, что меня затошнило.

Поставив перед Ванцовым тарелку и чашку с кофе, я демонстративно пошла к выходу.

– А ты куда? – осведомился Ларчик, явно обрадованный тем фактом, что я оставляю их наедине.

– Я же вам мешаю, – не скрывая обиды, проворчала я. – Беседуйте на здоровье!

Они, кажется, поняли, что жестоко меня обидели, потому как переглянулись, и Ванцов тихо сказал:

– Сашка, девочка ты наша, никто от тебя ничего скрывать и не собирается. Просто мы думали, что нам делать.

– Наверняка со мной, – кивнула я, храня на лице мину оскорбленной невинности. – Вот и думайте тут. А я на кухне посижу. Кофе попью.

– Да попей его здесь! – взмолился Ларчик. – Ванцов, давай ей расскажем, а? Все равно ведь она должна это знать! Может, будет осторожнее?

* * *

С чего это я должна быть осторожнее? Ах да.

Я бросила взгляд на рожу, занявшую по ванцовскому желанию место на моей стене.

Ванцов как раз и занимался этим извращенцем. И, как сам признавался, этот придурок его уже достал.

– Опять будешь запугивать меня зверствами? – мрачно осведомилась я, наливая себе кофе.

– Буду, – кивнул он с виноватым видом.

– Ох, Леша! Как же ты мне надоел-то с этим типом! Ну, не подхожу я на роль его жертвы, как ты не понимаешь? Ты же сам говорил – он охотится на всяких там блудниц, а у меня на лице не то что гиперсексуальность, у меня даже капли чувственности на нем не отражается! Он пройдет мимо меня, и я его абсолютно не заинтересую!

– Вот теперь я тебе кое-что объясню, – торжественно объявил Ванцов. – Посмотри-ка на этих дам.

Он положил передо мной фотки. Так картинно разложил, как пасьянс. Бедные дамы, как я без труда догадалась, стали жертвами уродца со стены.

– И что? – вопросила я, рассмотрев внимательно красавиц

с пухлыми губами и большими, влажными от страсти глазами. – Что ты этим мне хочешь сказать? Что я такая же красотка, как они? Я тебе не поверю!

– Во-ло-сы, – раздельно и четко сказал Ванцов.

– Ты это к чему?

– Цвет волос всех дамочек без исключения, заметь, – рыжий! Исключение составляет только последняя жертва – она блондинка. Но она крашеная блондинка, Сашенька! А естественный цвет волос у нее почти рыжий.

Идея быстро поправить наше материальное положение тут же созрела в моей башке.

– Ванцовчик, миленький, – произнесла я, глядя на него так умилительно, как только могла. – А у вас случайно еще не ввели такую должность, как «охотник за головами»? Ну, то есть вы награды не назначаете за поимку? Тысяча долларов, скажем? Меня бы устроила такая сумма! Гляди, как все здорово получается – я накачиваю губищи силиконом, делаю себе татуаж и разгуливаю по злачным местам с порочным видом! Он на меня клюет, и…

– Са-ша! – одернул меня Ванцов суровым голосом. А Лариков так холодно на меня посмотрел, что я осеклась.

– Ну, ладно. Не буду накачивать губы силиконом и делать татуаж. Раз вы такие вредные и не хотите, чтобы я помогла милиции и несчастным «жрицам порока». Буду умирать от безделья, голода и нищеты.

– «Охотница»… Надо было такое придумать! Диана ты

наша! Ты вообще представляешь себе, что это за гад? – спросил Ванцов. – Ты и вздохнуть не успеешь, как он с тобой расправится! У нас специально обученные девицы на подсадке, и то он будто чувствует, что они подсадные! Он умен и хитер, да так, что иногда у меня руки опускаются! Ни свидетелей, ничего!

– А и не надо особенного ума, чтобы распознать вашу подсадную девицу, – парировала я. – У них же актерских талантов нет! А у меня есть.

– По-моему, ты чудовищно самоуверенна, – сообщил Ванцов, дожевывая бутерброд. – Ладно, Андрей, надеюсь, ты все понял? Я могу быть спокоен за эту маленькую балбеску?

– Ах, я еще и балбеска! – возмутилась я. – Ванцов, ты съел мой последний бутерброд и обозвал меня балбеской!

– Ты такая и есть, – кивнул Лариков, не обращая на меня внимания. – Я не выпущу ее одну. Буду повсюду сопровождать.

– А если я вздумаю пойти на свидание? – поинтересовалась.

– Придется тебе терпеть его присутствие постоянно, – развел руками Ванцов, – пока мы не посадим любителя «рыжих девиц» подальше и поглубже. И, кстати, насчет любви, я бы тебе порекомендовал пока об этом не мечтать. По показаниям подружек этих несчастных, они незадолго до смерти очень изменялись как внутренне, так и внешне как раз от этого высокого чувства. Так что у меня имеются подозрения

относительно его способа знакомства. Ладно, я пошел. Спасибо за то, что не дали умереть с голоду.

Он поднялся.

Если бы я не была так зла, я бы его пожалела, уж больно уставшим он выглядел! И я знала, что впереди у него – очередная бессонная ночь.

– Ванцов, – тем не менее не удержалась я от подкола на прощание, – а тебе тоже нельзя так просто по улицам разгуливать. Ты ж у нас тоже рыжий! Давай Лариков еще и тебя охранять будет!

– Я не ты, – отрезал он. – Если бы эта козлина на меня польстилась, я бы ему даже спасибо сказал. Может быть, схватил бы за яйца. Но он интересуется исключительно женщинами. Так что, любезная Александра Сергеевна, нижайше прошу вас не отдаляться от вашего босса на большие расстояния! Понятно?

– Понятно, – вздохнула я. – Только, если я в конце концов озверею от его постоянного присутствия, виноват будешь ты!

* * *

Ванцов ушел, унося с собой загадки и тайны уголовного розыска, а Лариков уставился в телевизор с таким озабоченным видом, что даже идиоту стало бы ясно – вовсе ему неинтересно смотреть на Андреа дель Бока, которую почему-то нам старательно показывали с утра до вечера.

– Ты стал интересоваться «мылом»? – нарушила я молчание, которое меня уже изрядно нервировало.

– Да, – промычал Лариков. – А что?

– Да ничего, – произнесла я. – Если тебе это нравится, пожалуйста. Люди от безделья еще и не так крышами съезжают…

Он не обратил на мои слова никакого внимания, настолько погрузился в созерцание мук Антонеллы! Вернее, погрузился-то он в свои размышления, которые были мне очень интересны, а делал вид, что целиком поглощен придуманной трагедией, и это делало его «размышлизмы» еще более интригующими.

Ибо нет ничего интереснее для любопытного ума Сашеньки Данич, чем скрытые от нее тайны!

Как бы из него эти самые тайны выбить?

Взяв в руки свой пистолетик, я приставила его к виску Ларикова и оглушительно заорала:

– О чем вы тут говорили с Ванцовым?

Он вздрогнул от неожиданности и уставился на меня с укоризной.

– Ты же знаешь, – сказал он. – И незачем так орать!

– Я знаю только то, что вы сочли нужным мне сказать, – тихо, почти шепотом, сказала я. – А мне интересно все. Я же долго варила кофе! А на то, что мне сказал Ванцов, хватило двух минут! Где остальные десять?

– Чего?

– Десять минут разговора? – не унималась я. – О, пардон! Даже не десять – двенадцать! Двенадцать минут я варила кофе и делала бутерброд!

– Не для твоих это ушей, – отмахнулся он. – Саш, честное слово! Не надо тебе этого!

– А тебе?

– Мне надо, – отрезал он. – Потому что я тоже сыскарь. И в прошлом работал именно в прокуратуре. Если меня просят о помощи, я не могу отказать!

– Ах, вот как! – вскипела я. – А я, значит, так просто забежала с вами кофейку попить? Значит, когда надо, – Саша помоги, а сейчас мы делаем вид, что Саша вообще не сыскарь? Вспомнили, что она скромно изучает старофранцузский? Зануды вы оба!

И я уселась в углу с насмерть обиженным видом.

– В следующий раз буду умнее, – проворчала я через некоторое время, не выдержав затянувшейся паузы. – Насую вам в карманы жучков и буду знать все, о чем вы тут без меня разговаривали!

– Сашка, я сейчас молюсь, чтобы появился клиент и твое безделье перестало действовать тебе на мозги! – взорвался Ларчик. – Потому что ты такие глупости говоришь, что я с ума сойду, все это выслушивая!

– А мне теперь нельзя работать, – с мстительной улыбочкой выдала я. – Потому как твой Ванцов не разрешает мне в одиночестве разгуливать по улицам! Как же я стану следить?

Или ты будешь постоянно таскаться за мной?

– Ничего, я буду сам таскаться, а ты тут будешь сидеть и печатать фотографии.

Я уже придумала великолепную тираду, чтобы сбить с него эту невыносимую, чисто мужскую спесь, как наш разговор прервали.

Поэтому на звонивший телефон я взглянула с отвращением.

– Трубку, может быть, стоит поднять? – насмешливо поинтересовался Ларчик. – Или ты объявила забастовку?

– А если это маньяк? – отомстила я. – Он меня уже выследил и теперь прикидывается клиентом!

Я подняла трубку.

– Андрея Петровича можно? – голос был женский.

– Тебя, – протянула я ему трубку.

– Кто? – спросил Лариков.

– Маньяк, конечно, – улыбнулась я ему. – Прикинулся, правда, женщиной. Но это дела не меняет!

Он пропустил мои колкости мимо ушей. «Ну и ладно, – подумала я. – Все одно – от этого безделья и тревоги я сойду с ума. Лучше выпью еще кофе на кухне. Тем более что там можно послушать музыку». От передач по нашему телевизору на меня уже напали уныние и скорбь.

Впрочем, через несколько минут он тоже появился на пороге кухни. Спокойно и нахально отпив кофе из моей чашки, сел напротив и попытался растопить лед моей обиды своей

улыбочкой.

– Сашенька, ты только не обижайся, ладно?

– Поздно, я это уже сделала, – отрезала я.

– Саша, ну пожалуйста!

Он встал передо мной на колени.

– Тогда расскажи о Ванцове, – потребовала я.

– Не могу! – взмолился он.

– Ну и торчи на своих дурацких коленях до второго пришествия, – безжалостно отреагировала я.

– Саша!

– Не слышу.

– Саша, а если я тебе скажу, что у нас клиент? Ты все равно не будешь со мной разговаривать?

– Клиент? – я развернулась.

– Клиентка, – кивнул Ларчик. – Я назначил ей встречу на завтра. Правда, насколько я понял, проблема у нее поменьше, чем у Ванцова, но, по крайней мере…

– По крайней мере, «клиент» означает «гонорар», и это куда интереснее, чем ванцовские глупые секреты, – меркантильно заявила я. – Это означает, что наш опустевший холодильник наполнится продуктами! А что у нее случилось? Муж пропал в объятиях распутниц?

– Не-а, – покачал головой Ларчик. – Насколько я понял из ее довольно бессвязных речей, проблемы у нее с подружкой. Но подробнее она обещала все рассказать завтра. Ну, как? Устроит нас с тобой подружка?

– Устроит, – кивнула я.

Впрочем, завтра посмотрим. И если она нас не устроит, я выужу из тебя все тайны и секреты, милый, мысленно пообещала я ему, пряча за обворожительной улыбкой свою «подлую» сущность.

Глава 2

Домой меня, конечно, «отконвоировали». Но прежде Лариков, придирчиво осмотрев меня, надвинул мне шапку почти на нос. Представляете?

– Ларчик, ты посмотри сам, – ворчала я, рассматривая себя в зеркале. После его стараний я стала похожа на чудище болотное. – Я же выгляжу, как лысая! Ты мне ни одного волосика не выпустил!

– Обойдешься без волосиков, – не сдался безжалостный Лариков.

– Ну, конечно, обойдусь, – съязвила я. – Может, меня вообще в связи с осадным положением налысо побрить?

– Может быть, – задумался этот зверь вполне серьезно.

– О нет! – вскричала я. От этих садистов вполне дождешься и таких бессмысленно жестоких действий!

– Тогда молча терпи мое присутствие в твоей жизни, – посоветовал Лариков. – И то, что прячу твои роскошные тициановские кудряшки подальше от нескромных глаз!

– Ладно, – приуныла я. – Потерплю, хоть все равно вы с Ванцовым сатрапы и деспоты! Могли бы пролить побольше света на обстоятельства, честное слово! Никому хуже бы не было.

– Когда-нибудь прольем, – пообещал Лариков.

– Ага, когда это будет уже неинтересно.

– Скорее бы это перестало быть интересным, – вздохнул Лариков, нажимая кнопку моего звонка. Мы уже пришли, и теперь он с явным нетерпением дожидался, когда он сдаст меня прямо в руки моей маме, – а то у меня от всего этого мурашки по коже бегают!

* * *

– Почему он не остался выпить чаю? – озадаченно спросила мама, провожая взглядом долговязую фигуру Ларчика, стремительно несущегося вниз по ступенькам. – Вы опять поругались?

– Нет, но я бы это охотно сделала, если бы не его высочайшее положение! – сказала я. – Не обращай внимания – у них с Ванцовым образовались загадочные дела. Они усиленно ловят маньяка, потому что, по их предположениям, я рискую стать его жертвой!

– Ох, какое самомнение! – возмутилась мама. – Конечно, если бы не ты, они бы его и ловить не стали! Но раз дело касается тебя, тогда конечно… Тогда и только тогда стоит заняться его поимкой.

– Да фиг они это сделают без моей помощи, – жизнерадостно объявила я. – Так что зря они покрыли все мраком загадочной тайны.

Мама на сей раз мое нахальное утверждение пропустила мимо ушей.

– Тебя разыскивала Эльвира, – сообщила она.

– О господи! Неужели она вернулась из своих Арабских Эмиратов ни с чем? – простонала я. Эльвира клятвенно заверяла меня, что она едет туда с одной-единственной целью – заполучить в мужья какого-нибудь шейха. Если ей не удалось этого сделать, мне придется терпеть ее стенания и плачи, а это – не для слабонервных, честное слово!

– Понятия не имею, с чем она явилась, – пожала мама плечами. – Сюда она пока не заходила. Обещала забежать завтра.

О бог мой! Какая тоска! Все интересное откладывается на завтра!

– Похоже, сегодня мне остается только одно – заснуть, – вздохнула я. – Может, хоть в снах что-то занимательное покажут?

* * *

Ничего особенно интересного я во сне не увидела. Так, смурь какая-то приснилась. Я будто моталась по городу и искала подарок для Эльвиры. Увы, ничего похожего на шейха мне не попалось, и я купила ей зачем-то набор акварельных красок. Потом явилась Эльвира собственной персоной, и я вручила ей подарок. Она тут же начала рисовать этими красками портрет шейха, и я почувствовала себя полной тупицей. Так что со снами у меня в эту ночь ничего путного не

вышло.

Проснулась я довольно поздно – за окнами уже вовсю светило весеннее солнышко, и вчерашняя погода с туманом и слякотью казалась тоже сном.

– И весь прошедший день, если разобраться, был похож на какой-то кретинский сон, – проворчала я, потягиваясь. С удовольствием отметив, что сегодняшний день обещает быть лучше – хотя бы погода прекрасная, я вышла на кухню и остолбенела. Прямо напротив мамы с чашкой кофе в руке сидел мой босс.

«Та-а-ак, – подумала я. – Кажется, и солнце не в состоянии меня спасти! Похоже, вчерашний кошмар продолжается».

– Привет! – весело улыбнулся мне Ларчик.

– Доброе утро, – хмуро приветствовала я его. – А что ты тут, собственно, делаешь? Боишься, что не приду на работу?

– Саша, ты опять? Разве мы вчера не закончили этот спор?

– Нет, – покачала я головой, отрицая факт окончания своей борьбы за независимость. – Мы его только начали. И ты должен все-таки учесть и мое мнение!

Он стерпел мое хамство и терпеливо ждал, пока я умоюсь, почищу зубы, оденусь, позавтракаю и сделаю еще массу полезных и не очень полезных дел. Причем не надо вам говорить, что я копалась как можно дольше, искренне надеясь, что его терпение все-таки лопнет.

Но – нет! Сегодня он был ангельски терпелив. Поэтому и

мне пришлось «смирить гордыню».

Тем более что мое сопротивление было просто безнадежно!

* * *

Долго обижаться я не умею. Не то чтобы я такая добросердечная, а просто мне становится ужасно скучно. Тем более что Ларчик вел себя как ангел, спустившийся с небес. Он варил мне кофе и выполнял все мои прихоти. Даже раздобыл пакетик круассанов – а где он сумел их найти, одному господу известно!

Однако, довольно благосклонно приняв его дары, я не удержалась и мрачно пропела:

– Утекай – в подворотне нас ждет маньяк…

Вот тут-то его терпение лопнуло!

Он сверкнул своими очами в мою сторону, хмыкнул, прошелся по комнате и наклонился надо мной, глядя прямо в мои глаза, исполненные, как вы и сами догадываетесь, детской чистоты и невинности.

– Послушай, Саша! – прошипел он. – Если ты думаешь, что мы с Ванцовым – пара законченных идиотов, которые подняли панику просто так, то…

– О нет, сэр! – пролепетала я. – Как можно! Вы доблестные рыцари, и образование ваше превосходно. Кто лучше вас умеет владеть мечом и боевым томагавком? Поэтому

я нисколько не сомневаюсь в ваших достоинствах, как умственных, так и физических!

Хотя на самом деле я думала, что они и есть пара идиотов.

– Так вот, – поморщившись, продолжал Лариков. – Чтобы у тебя не оставалось сомнений в нашей правоте, я могу показать тебе несколько фотографий. Но я этого делать не хочу. Чтобы ты жила спокойно и не шарахалась от каждой тени. Пойми, глупая ты девочка, что положение очень серьезно!

– А может быть, мне просто перекраситься? – лениво произнесла я, накручивая на пальчик локон. – Например, в сиреневый цвет… Юная Нина Хаген! Слушай, Ларчик, я тебе буду нравиться в таком прикиде?

– Сашка! – закричал он гневно.

– Ну, Андрей! Не могу я спокойно слушать этот бред по поводу грозящих мне опасностей! – закричала я в ответ. – Я же все-таки не девочка из закрытого пансиона! Неужели ты думаешь, что мне не справиться с каким-то там психом? Да и с чего вы так уверены, что он обратит на меня свое внимание? Может быть, его все-таки интересует сексапильный материальчик?

– Знаешь, я устал тебя убеждать, – сдержанно сказал мой босс. – Тебе придется все-таки поступать так, как этого хотим мы.

Возразить я не успела. В нашу дверь, как всегда, не вовремя позвонили.

Обычно дверь открываю я, но на сей раз Ларчик меня опе-

редил.

Я лениво откинулась на спинку кресла, проворчав:

– Ну, что ж… Во всем, однако, есть свои плюсы. Буду вести себя как царица Савская, раз пошла такая музычка! Босс будет бегать по городу, высунув язык на плечо, открывать двери, как швейцар, а я, значит, перевоплощаюсь в Ниро Вульфа! Где мои орхидеи, в таком случае? Надо будет потребовать от Ларикова орхидеи!

Потребовать я их не успела, увы!

Мой босс вернулся в комнату с молодой дамой. А при посторонних я не могла вести себя неприлично. Иначе…

Иначе мама наверняка подвергла бы меня такому остракизму, что мало не показалось бы!

* * *

Вошедшую девицу я в свете своей новой роли окинула снисходительным взглядом. Получилось у меня это, видимо, неплохо, поскольку она стушевалась и покраснела.

– Добрый день, – пробормотала она, пытаясь справиться с охватившим ее волнением.

– Здравствуйте, – с ярко выраженным чувством собственного достоинства кивнула я.

– Я… вчера звонила.

Девушка, кстати, была очень хорошенькая. Я бы даже назвала ее «прелестной», поскольку это слово как нельзя боль-

ше подходило к ее внешности.

Самыми привлекательными в ее личике были глаза. Такие по-детски наивные и распахнутые, как у куклы. Да в ней вообще было нечто кукольное, но это ее нисколько не портило, наоборот! Вообще-то я терпеть не могу этот тип – маленькая Барби. Но гостья скорее напоминала фарфоровую куклу начала века. Даже одета была примерно так же – длинная клетчатая юбка, ботиночки со шнуровкой и черная куртка из замши с беленькой опушкой. Ее головку с роскошными русыми кудрями украшала шляпка, такая же, как куртка, а на плече болталась маленькая сумочка.

Ресницы у нее были такие длиннющие, что мне показалось, что ей их просто тяжело носить. Я сразу начала испытывать комплекс неполноценности рядом с этой красоткой. Когда видишь перед собой сногсшибательную топ-модель, ты понимаешь, что она – плод усилий кучи косметологов и визажистов, и если они потрудятся так же усиленно и над тобой, может, получится даже лучше. Так что при лицезрении топ-модели особых комплексов не возникает. А вот когда ты видишь перед собой шедевр природы, становится немного не по себе.

Но я отвлекаюсь. Проще, наверное, коротко сообщить, что у нашей гостьи были огромные фиалковые глаза, обрамленные длинными ресницами, стройная фигурка, маленькие ручки и ножки, и вся она была воплощением изящества.

Поэтому Лариков навечно потерял дар речи.

– Я вчера звонила, и вы позволили мне прийти, – снова повторила девушка, и я отметила, что даже волнение и смущение ей к лицу.

Босс стоял, как столб, не спуская восхищенных глаз с девушки. Она окончательно растерялась и посмотрела на меня умоляющим взглядом.

– Я… – снова начала она.

– Андрей, – тихо, но вполне угрожающе произнесла я.

Он вздрогнул. Уставившись на меня недоумевающим взглядом, он быстро прочел в моих глазах: «Во-первых, перестань пялиться на девушку, как сексуальный маньяк, а во-вторых, кажется…»

– Тебе не кажется, что нас надо представить друг другу? – елейным голоском произнесла я.

– Да, конечно, – очнулся немедленно этот остолоп. – Это Александра. А это…

Он обернулся к девушке.

– Меня зовут Ритой, – улыбнулась она.

– Очень приятно, только не стойте так, теребя ремешок сумки! – попросила я. – Вот стул, который не упадет, вот стол, и скоро господин Лариков изобразит нам кофе, дабы было легче беседовать. Ах да… Вот еще пепельница и сигареты, если вы курите.

– Я не курю, – покачала она головой. – И еще я не пью кофе. Лучше простой воды. Если честно, я ужасно волнуюсь! Я никогда еще не обращалась за помощью к детективам и

совсем не знаю, что сказать и как себя вести!

Выпалив все это, она села и выдохнула с облегчением.

– Я думаю, никакой особой формы поведения с детективами еще не придумали, – сообщила я. – Или до нас еще не дошло это новшество? Могу вам помочь только перечислением табу. То есть что нельзя делать с детективами. Их нельзя бить по голове, поскольку у них это слабое место, нельзя ломать им ноги, поскольку тогда детектив не может бегать по городу с высунутым языком за вашим неверным супругом, и, самое главное, – никогда, вы слышите, никогда не выходите за детектива замуж! Потому что он тут же начнет вас в чем-нибудь подозревать!

Последняя фраза предназначалась для моего босса, который явно начал вынашивать коварные матримониальные планы относительно прелестницы Риты.

Он мгновенно все понял, хмыкнул и удалился на некоторое время, чтобы вернуться с кофе и стаканом воды для Риты.

– Теперь, когда вы знаете, как надо себя с нами вести, поскольку Александра Сергеевна изложила вам это так четко и ясно, – со сладенькой улыбкой сказал Ларчик, – можно перейти к вашей проблеме.

Она глотнула воды и тихо спросила:

– А вы не будете смеяться?

– О, мы тут все время только и делаем, что смеемся над клиентами! – сказала я. – Просто умираем от смеха! Особен-

но этим страдает Андрей Петрович. Он как начнет смеяться, так не может остановиться! Приходится хлопать его по спине и отпаивать водой… Вообще, Рита, я бы на вашем месте была с ним осторожна.

– Почему? – удивилась она.

– Видите того мужчину на стене?

Я показала на «монстрилу».

– Да, – с ужасом оглядела Рита эту физиономию.

– Это мой жених, – сообщила я. – Лариков решил так наказать меня за неповиновение. Выдаст замуж за этого типа – и моя жизнь превратится в кошмар! Он даже вывесил его здесь специально для моего устрашения! Ну, ладно. Не будем о грустном. Давайте-ка лучше поговорим о том, что заставило вас к нам прийти.

– Я где-то видела этого человека, – вдруг сказала Рита, продолжая рассматривать моего «жениха». – Или мне кажется? Наверное, просто показалось. У него типичное лицо. А моя проблема…

Она вздохнула.

– В общем-то, она не моя. Но, наверное, надо все по порядку рассказать, да?

– Желательно, – согласились мы.

Кстати, даже мой сеанс остроумия Лариков не комментировал. Интересно, получится у меня его разозлить и оставить меня в покое, или он теперь до конца моих дней будет меня конвоировать?

* * *

– Ладно. Значит, по порядку…

Она задумчиво посмотрела в окно. Потом повертела в руках стакан и совсем тихонечко попросила:

– Только вы все-таки не смейтесь, хорошо?

– Да не будем мы смеяться, – заверила я ее. – Мы вовремя сдержим приступы хохота.

Она фыркнула.

– Тогда я постараюсь все рассказать попонятнее. Хотя как эту идиотскую ситуацию изложить понятнее… Настолько это все по-кретински выглядит!

Она почему-то рассерженно посмотрела на нашего «монстрилу», как будто именно он виноват в ее глупом положении.

– Я работаю в театре, – сообщила она нам без всякого перехода. – Театр у нас довольно необычный, но выбирать особо было не из чего. Вот и приходится работать именно там.

– То есть вам ваша работа не нравится?

– Нравится, – пожала она плечами. – Правда, немного странно там все трактуется. Как-то шиворот-навыворот. Вот сейчас у нас «Чайка», так наш Донатовский почему-то преподносит Чехова, как Сартра. Просто экзистенциалист какой-то, а не Антон Палыч! Повсюду запах смерти и извращений! Ну, да оставим это! Иногда мне кажется, что то, что

сейчас происходит с Лизой, – результат ее плодотворного общения с Донатовским. Она зациклилась на некой таинственной проблеме.

– Постойте, кто у нас Донатовский? И кто такая Лиза? Надеюсь, что Германа и старушек-графинь у нас не появится?

– Донатовский – наш режиссер. Лиза – моя подруга. Собственно, я к вам из-за нее и пришла. А старушки у нас только билетики отрывают и программки продают. Может быть, среди них и есть графини, но это не бросается в глаза…

Она нервно теребила в пальцах платок и кусала губы.

– Боже, как стыдно! – вдруг прошептала она. – Но другого выхода у меня просто нет! Послушайте, это правда, что вы можете следить за людьми?

Глава 3

Мы с Ларчиком переглянулись. Нас этот вопрос немного позабавил, но я больше не рискнула вставлять в разговор неуместные шутки.

– То есть как это – следить? – спросил осторожно Лариков.

– Я очень много читала про частных детективов, – произнесла смущенная «куколка». – Понимаете, мне нужно, чтобы вы немного последили за Лизой.

– Та-ак… – протянул Ларчик. Я предпочитала по-прежнему молчать.

– Вы не бойтесь, я вам заплачу! – горячо заверила нас Рита. – У меня есть деньги, и я думаю, чтобы понять, что там происходит, много времени не потребуется!

– А почему вдруг вам пришло в голову следить за вашей подругой? – спросил Ларчик.

Она молчала.

– Понимаете, Рита, это ведь очень странно выглядит. Вы приходите к нам и предлагаете этакую работу…

– Я сейчас попробую вам все объяснить… Только, бога ради, не думайте, что я в чем-то ее подозреваю, – нет! Лиза очень славный человечек. По крайней мере, была таковой до…

Она снова замялась.

– До того, как? – спросил Лариков.

– До того, как ее зомбировали, – едва слышно проговорила Рита. – Только вы не думайте, что я говорю в буквальном смысле, хотя это очень похоже на вудуизм. Лиза осталась Лизой, и в то же время в ней произошла какая-то внутренняя перемена. Как будто в нее подселили еще кого-то, и теперь она только и занята тем, что пытается примирить себя прежнюю с настоящей.

– Рита, – наконец подала я голос. – А вам не кажется, что мы вам тут не помощники? Может быть, по проблемам психики все-таки логичнее было бы обратиться к психоаналитику?

– Дело не в психике, – упрямо заявила Рита. – И психоаналитик тут не сможет ничем помочь… Понимаете, мне кажется…

Она снова замолчала, долго разглядывала узор на моей чашке, а потом вдруг отчаянно выпалила:

– Мне кажется, что они замыслили убийство или еще какое-то преступление! А остановить я это не могу, потому что пока у меня только одни предположения! Пожалуйста, помогите мне! Я так устала от всей этой дребедени, что вряд ли смогу вам описать свое состояние!

И она так безнадежно посмотрела на нас с Ларчиком, что мы только плечами пожали.

– Для начала все-таки расскажите, в чем вы подозреваете вашу подругу, – вздохнул Ларчик. – А уж потом мы с Алек-

сандрой Сергеевной будем думать…

* * *

– Наш театр существует недавно, – начала свой рассказ Рита. – То есть сначала он был непрофессиональным. Поэтому большинство актеров у нас люди без специального образования. Фактически только четверо имеют театральную школу за плечами – сам Донатовский, Лиза, я и Федор. Наверное, поэтому у нас не всегда все получается согласно театральным канонам, но это ведь сейчас в моде… Так вот, мы с Лизой были знакомы еще с училища. Поэтому я так обеспокоена переменами, происшедшими с ней. Остальные этого как-то не замечают. Даже Федор… Он считает, что я просто сошла с ума, но это не так!

– А как он называется, ваш театр?

– «Анаконда», – едва слышно выговорила Рита.

– О боже! – произнесла я.

– Вам это название кажется странным, да?

– Нет, что вы… Сейчас как только театры не называют! Да хоть «Моргом», хоть «Коброй», хоть «Анакондой». Можно еще «Калигулой», например. Или «Синей Бородой». Наверное, в этом проявляется отражение всеобщего безумия…

– Наверное, – с легким вздохом согласилась Рита. – Но наш театр совсем не отражение. Он воплощение безумия… Но я об этом уже, кажется, говорила? Ладно, начнем все-та-

ки по порядку… Значит, в один прекрасный день мы с Лизой пришли в этот самый театр, потому что нам некуда было больше идти. Из города ни она, ни я уезжать не хотели, играть в ТЮЗе зайчиков тоже желания не было, а чтобы попасть в Драму, надо так извернуться, но на сие мы просто были не способны! Да мы и в то, что нас в эту «Анаконду» возьмут, слабо верили… Правда, человек, который нам посоветовал попытать там счастья, сказал, что в ней так много платят, как нигде, и этот фактор, что греха таить, был решающим в выборе…

– А кто вам посоветовал туда идти? – спросила я.

– Лизина сестра, – ответила Рита.

– Она тоже актриса?

– В некотором роде… Да, наверное, ее можно так назвать.

– Почему? Уточните, пожалуйста!

– Видите ли, – покраснела Рита. – Валера работает в пип-шоу.

– В чем? – не поняла я.

– В стриптизе, – еще тише сказала Рита. – Так что я не знаю, считается ли это актерской работой или нет. Наверное, все-таки да. Потому что это ведь тоже искусство!

– И что самое примечательное, доступное далеко не каждой женщине, – не удержавшись, проворчала я.

Она снова не уловила моей иронии или сделала вид, что не уловила?

– Да, именно Валера нас туда и устроила! Потому что у

нее с Донатовским были довольно близкие отношения, вот так мы там и оказались.

– А что же она сама? – поинтересовалась я. – Если у нее с господином Донатовским были такие чудесные отношения, почему она работала стриптизершей, а не подалась в эту вашу «Анаконду»?

– Не знаю, – пожала она плечами, несколько растерявшись. – Я никогда об этом не думала… Может быть, потому, что у нее никогда не было особенного актерского таланта? Она любит музыку, танец… Да нет, ей просто было бы скучно в «Анаконде»!

– То есть, как я поняла, вы с самого начала благодаря этой Валерии оказались в привилегированном положении?

– Пожалуй, это можно отнести только к Лизе, – сказала Рита. – Но, я думаю, дело было не в Валере. Дело было в отношении к ней Донатовского.

– То есть между ними близкие отношения?

– Как? – не поняла меня Рита.

– Ну, они любовники, или…

– Нет, что вы! У Донатовского совершенно другое отношение к Лизе! Если сама она и хочет подобных отношений с Константином Геннадьевичем, то он слишком занят театром! Он помешан на театре, понимаете? И к тому же для него самое страшное – это банальность и пошлость!

Ох, кажется, он меня заинтриговал, этот тип! Назвать театр змеиным именем и не любить банальность – это, конеч-

но, качества интересного человека!

И я сразу представила себе этакого самодовольного типа, вальяжного, как большой диван, и высокомерного, как напольная ваза!

Терпеть не могу такой тип людей!

Наверняка у него похотливый взгляд, очки и белое кашне! И черная шляпища с полями, как у сомбреро…

– Сначала все было нормально. Мы тогда ставили «В ожидании Годо». Вы, наверное, не знаете этой пьесы?

Я сделала глубокий вдох.

Ну, почему все эти богемные дамочки всегда почитают меня за идиотку?

– Мне больше нравится «Лысая певица», – улыбнулась я. – А если говорить серьезно, я вообще не люблю ни Беккета, ни Ионеско. Может быть, это кому-то нравится, я не спорю, поскольку это полный кретинизм – спорить о вкусах, но мне как-то понятнее Стоппард. Но я человек не типичный, – например, мне ужасно не понравился «Гамлет» в постановке Питера Штайна! Весь мир кричал в порыве восторга, а я, что называется, скептически молчала. Может быть, я ужасно старомодна?

Она окинула меня удивленным взглядом.

– Нет, – покачала она головой. – Я бы этого не сказала… Вы, наверное, любите больше Шекспира, да?

– Больше кого? Шекспира можно просто любить и признать, что он – больше всех, – произнесла я. – Ну, да не бу-

дем тревожить покой великих теней. Вернемся к вашим «баранам». Что такое произошло с вашей подругой и вызвало у вас такую тревогу, что вы пришли сюда?

– Она… Ладно, сейчас я вам лучше покажу две фотографии…

Она полезла в сумочку и достала два фотоснимка.

– Вот, видите, – сказала Рита, выкладывая их перед нами на стол. – Только я потом скажу вам, сколько времени прошло между первым снимком и вторым, ладно?

Я присвистнула.

На первом снимке совсем молоденькая, хорошенькая девушка с рыжими кудряшками смотрела таким ясным, детским и смеющимся взором, что при взгляде на второй у меня все внутри похолодело. Потому что на нем была та же самая особа, только… Как бы это сказать?

Она будто постарела лет на двадцать. Черты лица заострились, волосы теперь стали прямыми и темными, а в глазах была пустота и такая беспросветная грусть, что я невольно охнула.

– Боже!

– Вы поняли? – тихо спросила Рита. – А разница между снимками – ровно полгода. Полгода, представляете?

* * *

Конечно, можно предположить, что эта девочка смертель-

но больна. Можно подумать, что у нее патологически не сложилась личная жизнь.

Наконец, можно заподозрить ее в злоупотреблении алкоголем и наркотиками.

– Она не баловалась шприцем? – поинтересовалась я.

– Нет, – покачала головой Рита. – Я про это не знаю. Может быть, но мне все-таки кажется, что нет.

Та-а-к…

– А каких-то крупных неприятностей у нее не было?

– Да что вы! Лиза – самая талантливая в театре! К тому же она, как и Донатовский, предана театру так, что все остальное для нее ничего не значит!

– А болезни? Может быть, она была чем-то больна?

– Нет, это я могу сказать вам наверняка! Потому что моя мама делала полное обследование Лизы у себя в клинике… Моя мама – врач.

– А вы не пытались поговорить с ней откровенно?

– Пыталась, – развела она руками. – Может быть, вам это лучше удастся? О боже! Ну, почему мы говорим о Лизе, как будто ее вообще уже нет?!

А и правда…

– Так что вы от нас хотите?

– Последите за ней незаметно, – попросила она. – Понимаете, я уверена, что она вляпалась в какую-то темную историю, про которую просто предпочитает не говорить… И я боюсь за нее.

– Рита, и все-таки я не могу понять, почему вы так относитесь к своей подруге? Даже готовы выложить круглую сумму… Вы что, так ее любите?

– У меня просто одна-единственная подруга, – произнесла Рита. – Одна. Которая всегда была рядом со мной. У меня, например, никогда не было сестры. И…

Она опять замолчала, но потом решительно посмотрела мне в глаза, перевела взгляд на Ларикова и сказала:

– Она спасла мне когда-то жизнь. Бросилась вытаскивать меня из воды, плавая не намного лучше, чем я. Я не могу этого забыть… У нее никого нет, кроме меня. Валера… В принципе, Валера уже давно живет своей жизнью. Ее никогда особенно не занимали Лизины проблемы. Родители? Вы бы их видели! Их волнует только телевизор и личная жизнь соседей. Так что, получается, Лиза нужна только мне. И я заплачу вам любые деньги, если вы мне поможете.

Я не могла понять, как мне следует относиться к этой странной девушке.

Переглянувшись с Лариковым, я поняла, что он точно так же находится в недоумении, как и я.

«Что будем делать?» – спросила я его взглядом. Он пожал плечами.

Рита посмотрела на нас и истолковала жест Ларчика по-своему.

– Ладно, простите меня за то, что вас побеспокоила…

Она поднялась и направилась к двери.

– Постойте, – остановила я ее. – Мы… Давайте так – мы подумаем, а потом я вам перезвоню. Хорошо? Или вы мне. Вечером. Пойдет?

Она посмотрела на меня с такой щенячей благодарностью, что я могла бы дать ответ уже сейчас, – в конце концов, может быть, куда лучше следить за молоденькой актрисой, чем за чьей-то-там любовницей?

– Спасибо, – пролепетала Рита и чмокнула меня в щеку.

– А я-то думала, что младше меня в этом детсаду детишек нет, – проворчала я, провожая взглядом ее хрупкую фигурку.

Глава 4

– Ну, и что ты по этому поводу думаешь, Андрей? – поинтересовалась я спустя некоторое время.

Он пожал плечами.

– Глубокомысленный жест, – рассмеялась я. – Ситуация странная, тебе не кажется?

– Кажется, – согласился он. – Но вот в чем дело, Саша… По крайней мере, в этом ведь нет ничего предосудительного.

– Как это нет? – возмутилась я. – Ты веришь этой хорошенькой девице, что она только обеспокоена состоянием подруги и не замышляет ничего дурного? Например, эти самые Лиза – Рита – Донатовский составляют банальный любовный треугольник, и Рита решила воспользоваться нашими услугами, чтобы доказать Лизину порочность, например. Мы следим, делаем фотографии, а потом Рита выкладывает их перед господином Донатовским…

– Ерунда, – фыркнул Лариков. – Насколько мне известно, театральную братию удивить чем-то трудно. Они к пороку привыкшие…

– В любом правиле бывают исключения, – парировала я. – Не то чтобы я заступаюсь за Донатовского – я его совсем не знаю, просто объясняю тебе, почему мне вся эта ситуация кажется ненормальной и подозрительной…

– Наше дело маленькое, – ответил босс. – Помочь клиенту

и порадоваться, что дело, в общем-то, не особенно связано с риском. К тому же, судя по ее виду, она вряд ли располагает большими средствами, и вся наша работа – занятие на день, не больше. Зато будут деньги.

– Ты циник, – возмутилась я. – А если наша очаровательная Рита – чудовище?

– О господи! – возвел глаза к небесам Ларчик. – Сашка, ты, ей-богу, потрясаешь своей склонностью все драматизировать-романтизировать! Давай-ка успокоимся и вспомним старенькую пословицу – утро вечера мудренее! В конце концов, начнем работать, и все немного прояснится!

– Я хочу сразу попросить тебя об одной вещи, – сказала я. – Если я, предположим, обнаружу, что Рита ведет грязную игру, то верну ей деньги и не стану в этом участвовать.

– Александра!

– Ларчик! Я не могу идти против своих убеждений!

– Тогда ты никогда не сможешь вырасти в приличного детектива, – развел он руками. – Я сто раз говорил тебе, что большинство сыщиков – беспринципны…

– Я просто останусь в меньшинстве, – улыбнулась я ему. – Тем более что ты-то тоже пребываешь в том же самом меньшинстве!

Он рассмеялся.

– У тебя это получилось немного двусмысленно…

– Каждый судит по себе, – парировала я.

– Не хами начальству.

– Знаешь, ничего не могу с собой иногда поделать! – вздохнула я. – Огорчает такая черта моего характера несказанно, но… Увы! Нахамить начальству так приятно…

– Так как поступим с нашими барышнями?

– Андрей, я могу взять их на себя. Но ты же сам меня не выпускаешь на улицу в связи с осадным положением!

– Можно работать вдвоем, – предложил он.

– А не много ли чести одной красавице с фиалковыми глазами? – хмыкнула я. – Как бы у нее не началась мания величия… Проблема выеденного яйца не стоит. И насколько мне известно, вы сейчас с Ванцовым заняты более важными делами…

– Ладно, придумаем что-нибудь, – сказал он. – В конце концов, Ванцов сам может управиться…

– Кстати, как там дела?

– Глухо, – развел он руками. – Столько народу подняли на ноги, а паренек наш будто в тумане тает. Девицы пропадают, потом находятся – лучше бы и не находились! Тот фоторобот, который чудом удалось составить по показаниям одной, – нет, Сашка, ты только подумай! Всего одной свидетельницы! Да и той не знаешь, как верить, потому что это пьяная бомжовка! Кошмар, честное слово! Так что пока не случится чуда и мы все-таки общими усилиями эту сволочь не обнаружим, тебе придется терпеть мое постоянное присутствие!

Я вздохнула. Меня это, в общем-то, не очень беспокоило,

его присутствие, если честно. Спокойнее было – вот только я чувствовала себя маленькой и беззащитной, и меня это немножко раздражало.

Хотя, если вы думаете, что я совершенно не боюсь маньяков, вы ошибаетесь!

Еще как боюсь…

* * *

Вечера, которые удается провести дома так, чтобы не заявиться в одиннадцать ночи, еле стоя на ногах от усталости и с единственным желанием – доползти до кровати и рухнуть, у меня бывают редко. Может, поэтому и воспринимаются как праздники. Можно с шести до одиннадцати предаваться своим делам: читать, смотреть фильмы или просто блаженно валяться на кровати, изучая потолок и ни о чем не думая!

Мамы дома не было. Я сварила кофе, даже радуясь, что никто не будет считать, какую чашку по счету я выпиваю.

Потом включила магнитофон. Пенс подарил мне «Ночи Блэкмора». Совершенно потрясающая музыка – баллады четырнадцатого века, с акустической гитарой и хрупким женским вокалом.

Я закрыла глаза и предавалась любимому занятию – то бишь «мечтаниям бесплодным».

Уж не знаю, какой кретин придумал, что мечты – заня-

тие для бездельников. Ну, конечно, вот сейчас займусь общественно полезным трудом на радость обществу, которому, может быть, просто не хватает фантазии?

Или всех все в жизни устраивает?

Меня вот не устраивает то, что я родилась не в своем веке. Мой век – четырнадцатый. И уж раз так получилось, что я оказалась в двадцать первом, могу я хотя бы помечтать о «своем времени»?

В общем, я представляла себя рыжеволосой ирландочкой, ожидающей рыцаря (нетрудно догадаться, кто был моим рыцарем, но для недогадливых поясню, что это был Пенс). Только в данный момент Пенс рыскал по свету в поисках Грааля, а я, бедняжка, томилась в одиночестве.

Томилась я красиво, как и подобает прекрасной и юной ирландке, предварительно перевоплотив в воображении моего попугая в диковинную колибри. Попугай с этим соглашаться не собирался и громко орал, иногда перекрывая музыку.

Но в самый прекрасный момент, когда вот-вот мой рыцарь должен был явиться на пороге, в дверь позвонили.

Мама без ключей не ходила, поэтому это мог быть только мой «рыцарь» в современном своем обличье.

Открыв дверь, я со вздохом поняла, как ошиблась.

Эльвира влетела, как ветер.

– Сашка, детка, я вернулась! В этих Эмиратах такая буза… Конечно, поэтому я и не польстилась на шейхов и маг-

натов… Они попросту свели бы меня с ума. Представь себе, все жирнющие, а губы, как силиконовые! Просто ужас, а не мужики… Ой, кофе!

– Сначала сними шапку, а потом получишь кофе, – сказала я.

– Вот уж и нетушки, – хитро улыбнулась моя подруга. – Под шапочкой у нас «сюрпрайз», я хочу сполна насладиться эффектом!

Она тут же переключилась на Пафнутия, бросившись к нему.

– Пафничка красивый! Эльвира так скучала по Пафни! – сюсюкала она со сразу подобревшим попугаем. Теперь он перестал орать и внимательно слушал комплименты, удовлетворенно наклонив головку.

Потом она, слава богу, успокоилась. И, окинув меня торжественным взором, сказала:

– Ну, вот, Данич! Смотри и падай со стула в немом восхищении!

С этими словами она стянула с себя шапку. И я в самом деле застыла с открытым ртом.

Вместо ее смоляных кудрей… О ноу!

Теперь по спине Эльвиры струился водопад рыжих кудрей!

* * *

Вот теперь я поняла, что испытывали Лариков с Ванцовым!

Впору было немедленно перекрашивать эту глупышку назад, в черный цвет…

Или начать ходить уж всем вместе, как на демонстрации.

– О боже, – выдохнула я. – Зачем ты это сделала?

Она недоуменно вытаращилась на меня и сказала:

– Потому что нормальная женщина в момент депрессии должна быстренько менять свою внешность. Я прочла это в женском журнале.

– Вот уж нашла, где искать советы! – фыркнула я.

– А где мне их искать? – поинтересовалась моя подруга, которая, сама того не ведая, только что распростилась со спокойной жизнью, превратившись в потенциальную жертву маньяка. – У твоего Вийона, что ли?

– Элька, твой поступок был самым несвоевременным, – сказала я. – Давай перекрасимся!

– Вот уж никогда не думала, что ты такая занудная вредина, – фыркнула Эльвира. – Значит, только тебе можно быть рыжей, а остальным нет?

– В свете последних уголовных хроник вообще никому нежелательно быть таковыми, – вздохнула я. – Ты что, не смотришь телевизор?

– Вот уж чего я там не смотрю, так это новости, рекламу и уголовную хронику, – сообщила мне Эльвира. – Потому что в рекламе все с глупыми глазами, а в новостях и этой твоей хронике – со страшными. Правда, последнее время они и в рекламе пытаются испугать насмерть… Как в этой жуткой порнухе про дозиметры! Такой загробный голос – вы не знаете, в какой квартире живете, вы не знаете, какие фрукты вы едите… Купите наш дозиметр, чтобы все это знать! А куда я денусь из своей радиоактивной квартиры? Мне что, веселее, что ли, станет жить, когда я все узнаю?

– Умножающий знание умножает скорбь, – вздохнув, согласилась я.

– Так что я не знаю, почему нормальной женщине нельзя перекраситься в рыжий цвет и почему я должна узнать об этом из криминальной хроники… Это что, теперь преследуется законом?

– Да нет, – сказала я.

– Тогда объясняй! А то ты сказала «а», а остальное я должна додумывать собственными силами. У меня после поисков удачной партии их совсем не осталось!

– А если ты напугаешься?

– Я?!

Она даже подпрыгнула от возмущения.

– Данич, ты меня за несколько мгновений нашего общения уже умудрилась столько раз обидеть, что я тебя, кажется, сейчас стукну по твоей чересчур умной башке! Как же тебе

не стыдно, кикимора ты болотная?

– Предположим, тебе просто не идет рыжий цвет, – наврала я.

Рыжие волосы шли Эльвире куда больше, чем мне.

– Сейчас прольется чья-то кровь, – мрачно и многообещающе ухмыльнулась Эльвира. – Сдается мне, это будет именно твоя кровь, детка…

Пропустив угрозу мимо ушей, я задумалась, как бы ей преподнести всю эту смурь под удобоваримым соусом. Чтобы она не напугалась до смерти, но и не хмыкнула пренебрежительно.

Зная свою подругу, я могла ожидать как первой реакции, так и второй.

– Ну, ладно, слушай, если тебе так это интересно, – вздохнула я.

– Да это мне неинтересно, просто аргументируй свое негативное отношение к моему новому цвету волос! Может, ты боишься, что теперь Пенс прельстится моей красотой?

– Господи, Элька! При чем тут вообще Пенс?! Дело не в Пенсе.

Я вздохнула, оглядев ее с сожалением.

– Дело в этом чертовом маньяке, – решительно выпалила я.

* * *

– Боже ты мой! – сказала Эльвира, закатывая глаза, когда я описала ей все зверства и кошмары. – Знаешь, Сашка, чего вам всем отчаянно не хватает?

– Кому вам?

– Тем, кто связан с преступными элементами. Вам не хватает свободы дыхания. Вы погрязли в мутной луже и ни о чем другом просто думать не в состоянии. Она встала. Гордо тряхнула своими волосами и сообщила:

– Могу тебе сказать, что теперь-то я уж точно и не подумаю перекрашиваться…

– Элька! – вскричала я. – Ты что, не поняла ничего?

– Почему же? Поняла! Но ни один маниакальный придурок не смеет меня запугивать! Я делаю то, что хочу, я живу так, как хочу, а на этого урода… Сашка, прекрати смотреть на меня такими нудными глазами! Тебе-то уж это точно не идет! Пошло бы твоему Ларикову или Ванцову, но не тебе!

– Ты просто не видела фотографии, – вздохнула я.

– Может быть, – кивнула она. – Но за меня ты можешь не беспокоиться, я справлюсь…

Дверь хлопнула.

– Тихо, это мама! – сказала я.

– О чем это вы тут секретничаете? – поинтересовалась мама, возникая на пороге. Из-за ее спины выросла фигура Пен-

са. Что-то мой рыцарь так сегодня запоздал?

Он поставил тяжеленные сумки и, подойдя, чмокнул нас с Эльвирой по очереди в щеки.

– Тебе идет, – бросил он Эльвире.

– Так о чем тут шли тайные беседы? – не отставала мама.

– Да так, – поморщилась Эльвира. – О маньяках разных там… О чем еще могут говорить молоденькие девицы?

* * *

Вечер пролетел незаметно. Так было жалко ложиться спать, потому что ведь не знаешь, когда тебе еще улыбнется такое счастье – свободный вечерок!

Однако время уже неумолимо близилось к ночи.

– Сережка, проводишь Эльвиру? – попросила я.

Эльвира едва заметно усмехнулась.

– Мы же договорились, Данич!

– А что такого? – возмутилась мама. – Саша права, нечего разгуливать одной по ночам!

– Кстати, я завтра свободен, – сказал мой покорный друг. – Так что, если я тебе буду нужен…

Я задумалась.

– Знаешь, Сережка, пожалуй, да… Все, правда, зависит от Ларикова. Но есть одно дело, и мне не обойтись там без твоей помощи.

– Могла бы меня взять с собой, – пробормотала Эльвира. –

Вредная ты, Данич!

– Ага, – кивнула я. – Вот вдвоем мы с тобой точно привлечем внимание этого дурацкого маньяка!

– И поймаем его, – меланхолично протянула Эльвира.

– Скорее он нас, – скептически усмехнулась я.

– Так завтра я прихожу к тебе с утра? – уточнил Пенс.

– Давай, – кивнула я.

Они ушли, мы остались с мамой одни.

– До чего у нас с тобой мало времени для общения! – сказала я.

– Поэтому нам и бывает хорошо, – философски заметила мама, разливая чай.

И в этот момент, конечно, начал трезвонить вредный до безобразия телефон.

– Ну почему он всегда вторгается в нашу жизнь? – простонала я.

Подняв трубку, я услышала голос Ларикова:

– Сашенька?

– Ну, конечно, – ответила я. – Кто тут еще может быть?

– Сашенька, только что звонила Рита.

– Она одумалась?

– Нет, Саша. Все куда серьезнее. Лиза найдена убитой. Так что…

О черт!

Договаривать было уже не нужно.

Вот так всегда – безобидное на первый взгляд дело ока-

зывается сундуком с потайным дном!

Глава 5

Утро выдалось хмурым. Как будто ему передалось мое отвратительное настроение, и оно выключило солнце и напустило тумана.

– Без кофе не обойтись, – проворчала я.

Единственное желание, которое появляется в этакую смурь, – снова заснуть и уж не просыпаться, пока небесная канцелярия не соблаговолит наладить погоду.

Конечно, так бы я и сделала, ей-богу, с огромным удовольствием. Вот только позвоню Ларикову, скажу, что смертельно заболела. Да и звонить-то не нужно – я вчера забыла ему сказать, что сегодня меня собирается охранять Пенс, а из этого вытекает, что скоро он тут объявится. Можно вообще не подниматься с кровати, старательно изображая недомогание.

Интересно, а почему повышенная сонливость не считается болезнью? В конце концов, могла ведь меня укусить муха цеце.

В дверь позвонили. Мама прокричала в коридоре свое радостное «иду», а я загадала – если это Пенс, то я встану. И день сегодня получится хорошим. А если это Лариков, тогда все равно удачи не дождаться, и я старательно кашляю, чихаю и произвожу впечатление больной девочки.

– Сашенька, мальчики пришли!

О черт!

– Оба? – спросила я.

– Оба. И Сережа, и Андрей. Ты поднимаешься?

Да уж… Нестыковочка… Про то, что они придут вдвоем, я и не подумала.

– А кто из них вошел первым? – сделала я последнюю попытку предугадать свою сегодняшнюю судьбу.

– Саша, я не помню. Что ты за глупые вопросы задаешь? Вставай, ленивица, а то оба кавалера убегут!

«Да хоть бы и убежали, – подумала я. – Я бы еще немного поспала!»

– Ладно, – пообещала я. – Сейчас выйду.

Мама исчезла.

Поднявшись с кровати, я удивленно отметила, что мир не так уж и плох, как показалось вначале. Поскольку из кухни доносился такой кофейный аромат, что сомнений не оставалось – за дело взялся Андрюшенька, а кофе у него получался отменный!

Поэтому все остальные движения мои были быстрыми и энергичными. И уже через пять минут я стояла перед ними свежая и умытая, весело улыбаясь.

Спать мне больше совершенно не хотелось.

– Привет, – сказала я, садясь за столик. – Ларчик, радость моя! Может быть, нам надо подумать о кафе? Такое маленькое, уютное кафе, где подают кофе с круассанами. Ты будешь варить кофе, а я буду приветливо улыбаться нашим

посетителям. И никаких преступлений, никакой беготни…

– Если только не вздумают нас ограбить, – хмыкнул Лариков.

Мама выставила передо мной ежедневную порцию апельсинового сока.

После него жизнь стала еще легче и приятнее.

– А я-то хотела выпросить сегодня у тебя выходной, – призналась я Ларикову.

– Да, может быть, так и получится, – ответил босс. – Потому как дело-то наше обломалось.

– То есть как? – вскинула я на него удивленные глаза.

– Понимаешь, Саш, я тебе вчера не сказал. Но по всем приметам Лиза стала тоже жертвой этого маниакального урода. Так что…

Он развел руками.

– Считай, что сегодняшний выходной у тебя в кармане!

* * *

Что-то не появилось у меня в душе ликования…

– Подожди-ка, – сказала я. – Нас отодвинули, что ли? Наша Рита отказалась от услуг?

– Нет! Рита как раз ужасно огорчена, но что мы можем поделать? Почерк-то один к одному – а это дело прокуратуры.

– Ну, мы не помешали бы, – не унималась я. – Ларчик! Вспомни ты, наконец, что Рита как раз заметила в Лизином

поведении очень сильную перемену!

– Ну, и что?

– Как это что? А если она вдруг узнала, что кто-то из ее знакомых и есть наш загадочный «потрошитель»?

– Сашка! Тебя опять понесло, да? Разухабистые фантазии и странные идеи начали выплескиваться из твоей головы?

– Андрей! А сколько раз в моих фантазиях оказывалось зерно истины?

– Это было элементарной случайностью. Так называемое совпадение…

О бог мой!

Я вздохнула.

– Не верю я в случайности, Ларчик!

– Это твоя проблема…

– Но мы же все-таки должны помочь следствию! Или как?

– Или как, – отрезал Лариков. – Пользуйся выходным и не отвлекай меня от глобального дела. Пенс, ты за эту девицу отвечаешь головой!

Он поднялся.

– Ладно, мне пора. В офисе меня не будет, ключи я забираю. Развлекайтесь тут по мере сил. Я позвоню…

С этими словами он очень невежливо, на мой взгляд, удалился.

– А Ларчик просто открывался, да не про нашу честь, – пробурчала я. – Вот мерзопакостный типус мне попался в боссы!

– Сашка, да что с тобой? – удивился Пенс. – Ты же только и делала, что мечтала отдохнуть! Наконец сбылась твоя мечта! Отдыхай… Я притащил тебе «Джо Блэка»! Ты же мечтала его посмотреть… Вот и посмотрим сегодня.

– И ты считаешь, что я смогу сконцентрировать свое внимание на этом самом Джо Блэке в то время, когда меня просто разрывает на части любопытство? – вскричала я. – А я думала, ты меня неплохо знаешь, Пенс!

– Хорошо, что ты предлагаешь? Мы же все равно его не можем удовлетворить, твое любопытство!

– Зато частично его сможет удовлетворить Рита, – мрачно объявила я. – Поэтому собирайся, Пенс. Раз уж у нас с тобой выходной, мы будем культурно развлекаться.

– И куда мы пойдем? – приуныл Пенс. – «Я поведу тебя в музей – сказала мне сестра». Так, что ли?

– В музей? Нет, это потом, – разбила я его надежды. – Первым делом мы пойдем в театр. Только сначала назначим там встречу одной маленькой симпатичной девице!

* * *

Вы не думайте, что Пенс так быстро согласился на предложенную мной авантюру!

Нет, он довольно честно взывал к моему здравому смыслу, рассказывал мне страсти-мордасти про маньяков, причем я искренне удивилась, откуда у него такие обширные по-

знания. Куда больше, правда, меня удивила его словоохотливость, поскольку Пенс-то, насколько я его знала, а я знала его очень неплохо, был человеком молчаливым. Потом он описал ужасные картины кар, которым нас подвергнет пара «Ванцов – Лариков» за непослушание, но я все старательно пропустила мимо ушей.

Я преспокойно оделась и стояла в дверях, ожидая, когда он наконец перестанет разглагольствовать.

– Пошли, – бросила я ему. – Времени-то у нас в обрез.

– Я тебя не смог убедить, – горько констатировал он.

– Не смог, – подтвердила я. – Но ты очень старался. Поверь, я передам этим двум сатрапам, как ты стремился меня удержать от рискованных поступков! Они зачтут твое рвение и не покарают тебя так страшно, как меня! А теперь пошли. Рита нас уже ждет. И, кстати, она очень была рада моему звонку. Потому что ее, представь, одолевают точно те же сомнения, что и меня.

Он понял, что сопротивление бесполезно.

– Ладно, – махнул он рукой. – Пошли. Не могу же я бросить тебя без всякой защиты…

– Еще одно слово про «защиту», – сурово заявила я, – и я запущу в тебя графином! Слов нет, как мне надоели твои «устрашиловки»!

* * *

Доказать я пока ничего не могла – сама еще не знала, насколько права. Я не настолько еще вникла в ситуацию. Но мое «алтер эго» очень настойчиво говорило, что тут что-то не так.

Да и «первое эго» с этим соглашалось, хотя обычно они у меня только и делают, что спорят друг с другом.

– Ну, предположим, что это и, правда, маньяк, – говорило одно «эго» другому. – Хотя, если подумать как следует…

– Ага, – усмехалось второе. – Маньяк, как же. Ты веришь в такие простенькие совпадения?

– Ну а почему бы и нет?

– Тогда у нас получается опять же одна странность, – отвечало неунимающееся второе. – Почему эта самая Лиза так изменилась? Если призадуматься, изменилась-то она как раз в то время, когда наш маньяк начал нестандартно развлекаться на улицах! То есть опять получается, что она была с ним знакома? И даже пребывала в неплохих отношениях, иначе бы просто-напросто сдала его?

– Или очень сильно боялась.

Два моих «я» снова пришли, что называется, к консенсусу, что история получается темная и загадочная.

Так что пока мы шли к кафе, где нас должна была поджидать Рита, Пенс пребывал в осуждающем молчании, а я – в

глубокой задумчивости.

* * *

Рита сидела в самом дальнем уголке кафе. Она была настолько погружена в собственные печальные мысли, что не сразу нас заметила.

– Добрый день, – сказала я, подходя к ней.

Хотя Рита вряд ли склонна была считать сегодняшний день добрым, она тем не менее сумела выдавить из себя приветливую улыбку.

– Здравствуйте, – кивнула она нам. – Я не ожидала, что вы захотите со мной обо всем этом говорить. Знаете, я так поняла, что они хотят свалить происшедшее на этого типа…

– И вы не верите в то, что это дело его рук.

– Не верю, – развела она руками. – Абсолютно.

– Но почему?

– Если бы не было гнетущей Лизу тайны, я бы поверила, – сказала она. – Но сейчас мне кажется, что все подстроено… Нет, Александра Сергеевна!

– Называйте меня Сашей, – попросила я. – Все-таки я еще не успела сформироваться в зрелую даму.

Она улыбнулась.

– Хорошо, Саша. Я поняла, что вы также хотите разобраться в этом, как и я?

– Еще не знаю, – честно призналась я. – Но меня точно

так же одолевают сомнения в том, что происшедшее с вашей подругой – трагическая случайность. Правда, я допускаю вероятность знакомства Лизы с нашим «потрошителем»…

– Нет! – воскликнула она. – Этого не могло быть! Я знаю почти всех ее знакомых! И она… Неужели вы думаете, что Лиза могла бы иметь какие-то отношения с такой ужасной личностью? И я повторяю вам – у нас были общие друзья!

– Тем лучше, – сказала я. – Потому что мне тоже хотелось бы с ними познакомиться.

– Вы думаете, что это сделал кто-то из них?

– Если мы с вами отметаем вероятность того, что Лизина смерть – случайность, приходится думать именно так. Разве что у нее был некий знакомец, о котором вы все-таки не знали.

– Но тогда этого человека должен был все равно кто-то видеть с Лизой хотя бы однажды, – предположила Рита. – Он же не человек-невидимка, в самом деле!

– Вот именно, – кивнула я. – Но сначала расскажите мне о Лизе подробнее.

– Я попробую, – сказала она тихо. – Но раньше я думала, что знаю ее очень хорошо, а теперь…

Она махнула рукой.

– Теперь мне кажется, что я не знаю ее совсем. Как будто я была знакома с другим человеком… Или у нее было раздвоение личности. Так что, может быть, мне стоит познакомить вас с ее сестрой?

– С Валерой нам, конечно, придется познакомиться, – согласилась я. – И не спорю, что она может знать о Лизе больше, чем вы. Но это потом.

– Хорошо. Итак, Лиза… Господи, как подумаю, что ее больше нет!

Она передернулась.

– Это ужасно, Саша! Такой конец… Вам рассказал Андрей Петрович? Ее нашли в парке, руки связаны за спиной, во рту – кляп из ее же белья. Наша Лиза…

Она сжала губы, чтобы не расплакаться.

– Если бы я пришла к вам раньше, Саша, может быть, ничего этого не случилось. Поэтому я чувствую свою вину перед ней. Тем более что мне все последнее время казалось, что она должна погибнуть. Что они хотят ее убить…

– Рита, вы уже второй раз говорите «они хотят убить…». Кого вы подразумеваете под «они»?

– Всех, – подняла она на меня глаза. – И никого. Я не могу вам объяснить, почему у меня рождается эта фраза.

– У Лизы были конкретные враги?

– Да, – едва слышно проговорила она. – Были. И много. И самой первой в этом черном списке, пожалуй, займет место Валера.

* * *

– Постойте, Рита! Как это – Валера?! Это же ее сестра!

– Давайте я вам расскажу о Лизе с самого начала. То есть с того момента, как я с ними познакомилась. Потому что иначе вы не сможете понять их отношений. К тому же, когда я говорю, что Валера возглавляла список Лизиных врагов, это совсем не означает, что именно она убила ее! Наоборот, в ком я уверена на сто процентов, так это в ней! Просто их отношения были неровными. Валера ведь очень нервная особа, и она постоянно самоутверждается. Правда, у них есть общие враги. Но об этом – потом. Сначала все-таки Лиза…

Она задумалась, достала сигарету. Повертела ее в руках и засунула обратно в пачку.

– Мы поступили в театральное все вместе. Я, Лиза и Валера. Лиза и Валера – двойняшки, но они ужасно разные! Лиза – женственная, хрупкая, а Валера… Не зря же ее никто не называет Лерой. Она была резкая, угловатая и начисто лишена сексуальной привлекательности…

– ?!

– Ну, да… Все так и было. Но на третьем курсе что-то с ней произошло. Валера очень изменилась. Мы с Лизой подозревали, что она просто влюбилась, но скрывает предмет своей страсти, и мы оказались правы. Потому что однажды мы их видели. Он показался нам очень красивым мужчиной, но… Весь этот роман был обречен на полное Валерино фиаско. Он был в возрасте, и у него была семья. Банальная история. К тому же очень скоро он просто уехал из Тарасова. И Валерочка осталась одна… Правда, она уже обрела эту свою

«женственность», которая теперь стала агрессивной. Мне даже некоторое время казалось, что она просто держит себя в руках, стараясь не показать, как сильно сломала ее жизнь. Но мужчин она теперь ненавидела. А Лиза жила в другом мире, у нее была масса поклонников, каждые полгода кто-то в нее страстно влюблялся, – в общем, нормальная, обычная жизнь хорошенькой девушки. Сама же она никого и ничего не любила – только театр. Нет, не буду вас обманывать – ей нравилось, что в нее влюбляются, она и сама периодически испытывала это, по ее выражению, «щенячье чувство», но серьезных отношений у нее ни с кем не возникало.

– А Донатовский?

– Да вы что, Саша? – округлила глаза Рита. – Никогда! Донатовский такой же «помешанный». Кроме того, он любит свою жену, и Лиза была для него не больше, чем талантливая актриса. Впрочем, в его устах это был лучший комплимент. Талантливая актриса… Про Лизины «романы» я вам не смогу ничего рассказать – увы… Лиза скрывала их так же тщательно, как и Валера. Я знаю, о чем вы сейчас подумали. Нет, в последнее время Лиза ни с кем не была.

– А когда она так изменилась?

– Около полугода назад. Что тогда произошло, лучше спросить у Валеры. В тот вечер они были вместе. Ходили к родителям.

Она задумалась снова, стараясь припомнить тот день в деталях.

– Кстати, именно их родители и были «общими врагами», – сказала она. – Так что сначала я отнесла перемены, происшедшие с Лизой, именно на их счет. Но потом оказалось, что дело совсем не в этом. То есть в тот вечер они все там действительно перессорились, но это у них происходило постоянно. Родители ругаются с девочками, потом ругаются между собой, потом девочки собачатся… Милая семейка! Так что к делу это не относится. Но именно в тот вечер отношения между Валерой и Лизой дали трещину, которой уже не суждено быть склеенной… Но вот о причинах ссоры я не знаю. Опять же лучше поговорить с Валерой. Мне она ничего не скажет – я для нее всю жизнь только глупенькая пустышка, на которую не стоит обращать внимания.

– Я непременно это сделаю, – пообещала я. – Если вы мне поможете, Рита.

– Конечно, – кивнула она. – Я устрою вам это знакомство.

– И не только с Валерой.

– Да, я поняла.

* * *

Мы долго разговаривали. Не могу сказать, что наша пространная беседа пролила свет на происшедшее с Лизой, но все-таки я сумела кое-что понять.

Как в игрушечном калейдоскопе, разноцветные стекляшки вертятся перед глазами, а потом из них образуется кар-

тинка. Сейчас «стекляшки» еще хаотично двигались перед моим мысленным взором, но я все больше и больше погружалась в это их «броуновское движение», испытывая интерес, что же за «цветочек» из этого получится?

История была загадочной, не оставила меня равнодушной.

Судите сами – очень спокойная, веселая, радостная девушка двадцати двух лет от роду, идет на встречу с родственниками (пусть даже они там и собачатся, по Ритиному выражению!), и вдруг ее жизнь резко меняется! Она становится угрюмой, замкнутой, постоянно чего-то боится, перестает общаться с подругами и, как сказала Рита, производит впечатление «человека одержимого манией преследования»! Никто ничего не знает, хотя все видят, что с Лизой что-то не так. Более того, именно в тот вечер они насмерть поругались с сестрой, с которой, как я поняла, до этого их связывали достаточно близкие отношения. Если принять во внимание род занятий Валеры и предположить, что ссора произошла именно по этому поводу, то почему раньше это не беспокоило Лизу? Сама Валера тоже не объясняла, что случилось. А спустя некоторое время Лизу находят в парке задушенной! И в связи с тем, что у девушки были рыжеватые волосы, все радостно списывают это на маньяка!

– А вот мне все-таки кажется, что он тут ни при чем, – пробормотала я, глядя, как за окном все больше и больше сгущается туман. – Так что мне ужасно хочется поговорить

с Валерой. И как можно скорее!

Глава 6

Мы шли по улице, растворяясь в тумане, и, когда наконец Рита остановилась и сказала: «Это здесь», – я не могла понять, какое отношение к театру имеет этот выплывавший из тумана бункер, куда более похожий на овощной склад или…

Ну да. На склеп.

– О-о, – высказала я вслух свое удивление.

– У Донатовского немного странное видение жизни. И такого ее проявления, как театр, – вздохнула Рита. – Но, если вы войдете внутрь, может быть, ваши ощущения изменятся…

Она потянула на себя тяжелую дверь, вполне достойную «театра-гробницы», и мы вошли.

Старушек с программками, непременный атрибут любого нормального театра, здесь заменил крутолобый амбал, который немедленно отреагировал на наше появление тяжелым и недовольно-вопросительным взглядом.

«Какого черта», – говорил этот взор.

– Вова, мы к Донатовскому, – сразу объяснила Рита, немного съежившись.

Похоже, громоздкий Вова был тут одной из самых уважаемых личностей!

– А это кто? – подозрительно посмотрел он на Пенса и меня. Наверное, мы не казались ему достойными доверия.

Оно, конечно, и правильно…

– Это мои знакомые, – терпеливо пояснила Рита. – Может быть, мне удастся устроить их к нам.

Он осмотрел нас с Пенсом, и в его взгляде было нетрудно определить скепсис – поэтому в том, что нам тут «не обломится» и звездами данного театра мы не станем, сомнений не возникало. Однако, видно, он решил, что чашу позора нам нужно испить до дна, и великодушным жестом указал на ведущий в глубь здания коридор.

– Проходите.

Мы двинулись в указанном направлении.

«Чем дальше в театр, тем становится мрачнее», – отметила я про себя, с любопытством разглядывая стены, окрашенные в адское сочетание красного и черного, от чего сразу становилось ясно – ничего хорошего в будущем нам не дождаться.

Наконец Рита остановилась перед еще одной тяжеленной дверью, украшенной, как вы и сами догадались, теми же любимыми режиссером Донатовским цветами, и робко постучала.

– Войдите, – раздался веселый голос, и Рита толкнула дверь, впуская нас в «святая святых» великого маэстро.

Сам маэстро сидел за столом и напряженно писал что-то на листе бумаги. Правда, вид у него был виноватый, будто он до этого ковырял пальцем в своем носу.

Но к нашему приходу он постарался создать имидж тру-

долюбивого человека, углубленного в творчество.

– Рита? – вопросительно посмотрел он на нас.

– Костя, познакомься. Это Александра и Сергей. Они…

Она оглянулась на нас, ища поддержки.

– Мы детективы, – решилась я на откровенность, наблюдая за его реакцией.

* * *

Кстати, о Донатовском…

Он совершенно не соответствовал созданному мной образу. Более того, я была вынуждена в данном случае признать, что «действительность намного пошлее и банальнее воображаемого мной типажа».

Мне он показался «свидетелем Иеговы», честное слово. Я даже перепугалась, что он тут же начнет шпарить наизусть Библию.

Наверное, они просто не могли найти себе применения, наши бывшие комсомольцы, которых он чем-то напоминал. Кто-то из них рванул в секту «иеговистов», а этот парень решил обрести душевный уют в театре. Простой театр показался ему скучным. Вот он и нагромоздил в бункере эти кошмарные фантазии и, увы, посчитал, что все это – ново и здорово.

Роста он был маленького, начинающуюся лысину старательно прикрывал жидкими прядями, так что сразу и навеч-

но выпал из сферы моих женских интересов. Кроме того, его взгляд был исполнен надменности и в то же время какой-то наивной глупости. Руки… А вот руки были самым отвратительным в его облике! Мало того, что они были несоразмерно большими, с толстенькими колбасками-пальцами, так он их еще все время потирал, невольно привлекая к ним внимание!

Одет же он был, как вы, наверное, уже догадались, в черный пиджак, красную рубашку и черный галстук.

«Что у него за дикая мания к трауру?» – подумала я, с любопытством разглядывая сию неприятную личность.

Он, в свою очередь, смотрел на нас с не меньшим интересом.

– Де-тек-тивы? – переспросил он и неприятно хохотнул. – Такая юная девица?

Эта фраза была сказана так пренебрежительно, что я почувствовала слабый укол обиды. Кажется, мне предлагается сразу стать его врагом? Хотелось бы знать, к чему бы это?

* * *

– Так, – кивнул он, смирившись с тем, что я все-таки детектив. – Надо думать, ваше посещение вызвано гибелью нашей актрисы… Ну, что ж. Мы в трауре, но… Я отвечу на ваши вопросы. Хотя вам самим не кажется, что несколько неуместно врываться к скорбящим об утрате людям?

– Если бы Елизавета Андреевна скончалась не насильственной смертью, никто бы вас не побеспокоил, – холодно парировала я его выпад. – Но в связи с тем, что это не так, вам придется смириться не только с нашим интересом к обстоятельствам дела, боюсь, вас побеспокоит и прокуратура.

– Уже побеспокоила, – усмехнулся он. – С самого утра. Кстати, кто является вашим нанимателем? Или это… – он многозначительно посмотрел на Риту, – конфиденциально?

– Нет, но я не обязана отвечать вам на подобный вопрос.

Чертов тип меня раздражал!

– Я могу сказать вам то же самое.

– Можете, – согласилась я. – Но это не в ваших интересах…

– Позвольте вам заметить, что мои интересы мне более известны, чем вам.

Похоже, я слишком поддалась своим эмоциям и теперь пожинала плоды – беседа не получалась!

– Это я попросила Александру Сергеевну заняться расследованием обстоятельств Лизиной смерти, Костя, – произнесла Рита.

– Ты?!

Он удивленно вскинул брови.

– Но почему?!

– Костя, я не думаю, что Лиза стала жертвой маньяка! И ты знаешь это не хуже меня.

– Ошибаешься, Рита! Вряд ли мне хорошо известно, кто

убил нашу Лизу!

– Но это был не маньяк! Потому что…

Она сделала глубокий выдох и с отчаянной решимостью выпалила:

– Потому что ты, Костя, первый сказал мне, что с Лизой что-то страшное происходит! Ты первый это заметил! Значит, черт тебя побери, ты лучше всех это знал! Ведь именно ты разговаривал с ней куда откровеннее и чаще нас всех! Может быть, тебе стоит прекратить ломать эту комедию?

* * *

В комнате воцарилось молчание. Оно было тяжелым, как туман, царящий на улицах Тарасова.

Донатовский, прищурившись, изучал Ритино лицо, причем оба напоминали Удава и Кролика. Рита, однако, его тяжелый, гипнотизирующий взгляд встретила с достойным восхищения мужеством. Храбро ответив на него, она даже позволила себе дерзкую улыбку.

– Ну, хорошо, – кивнул Донатовский. – Мы поговорим. Раз вы так этого хотите, я пойду вам навстречу, хотя, признаюсь, не люблю сыщиков ни в каком виде. Ни доблестных представителей милиции, ни тем более такую мелкую шушеру, выросшую на плесени нуворишей, как вы. Пройдемте в зал. Там – воздух, которым дышу я, которым дышит Рита и дышала Лиза. Мне будет легче вспомнить подробности на-

ших с ней разговоров, а вам легче понять нас. Потому что мне кажется, что вы, Александра Сергеевна с вашим молчаливым другом, не понимаете, что имеете дело с совершенно особым типом людей, анализировать поступки которых вам, уж извините, не под силу.

Я смолчала, проглотив обиду.

– Мы слишком тонкая и воздушная субстанция, – продолжал он свой сеанс публичного самолюбования. – Наши мысли и чувства отличаются от мыслей и чувств нормального среднего человека. Вы – нормальны, мы – паранормальны…

«Господи, надо же так упиваться собственным бредом», – с тоской подумала я, но прерывать паранормальную личность не стала, памятуя о том, что еще несколько мгновений назад своевольностью чуть не нарушила наше «взаимопроникновение».

В конце концов, в нашей работе нужны зачастую и терпение, и безграничное смирение. Но, господи, где этому учиться? Не в монастырь же идти, в самом деле…

* * *

Мы шли по узкому коридору, пробуждающему в моем воображении картины средневековья. Причем лишенного романтической лакировки, действительно мрачного, действительно инквизиторского, действительно – ужасающего.

Меня так и подмывало поинтересоваться у нашего прово-

жатого, не воображает ли он себя «паранормальным» воплощением Савонаролы.

Наконец мы оказались в небольшом зале, стены которого были окрашены в любимый режиссером красный цвет. Портьеры на окнах ужасали чернотой мрачнее ночи. Сама сцена располагалась посередине и была отделена от зрителя лишь невысоким бортиком.

– Ну, вот и пришли, – горделиво воскликнул Донатовский.

Пройдя в центр сцены, он застыл, заложив руки за лацканы пиджака и слегка наклонившись вперед, отчего его фигура тут же приобрела фарсовое сходство с памятником вождю пролетариата.

Может, отсюда у него и такая незыблемая страсть к красному?

Оглянувшись на Пенса, я обнаружила, что мой невозмутимый Сереженька с трудом сдерживает смех.

Интересно, надо будет потом узнать, что его так рассмешило. Меня все это напрягает, ужасает и отвращает, а Пенс собирается «закатиться, как шарик в уголок»!

Все-таки мужская психология – величайшая загадка для моего слаборазвитого ума!

– Итак, Лиза. Да, действительно, последнее время с ней трудно было работать. Она все воспринимала слишком… Я бы сказал: близко к сердцу. Правда, за счет этого иногда выигрывал образ, но не всегда. Поймите, например, что в слу-

чае с Ниной в начале спектакля горечь во взгляде неуместна. Я постоянно пытался вернуть ее к жизни. Но…

Он круто развернулся на высоких каблуках, – кстати, ненавижу я у мужчин маленького роста эти каблуки! Какая-то трусливая расписка в собственной неполноценности! Мне кажется, даже свои физические изъяны надо воспринимать и преподносить с чувством собственного достоинства.

– Но бороться с Лизиным сплином у меня не хватало времени. Честно говоря, я считаю, что отнесся к этому чересчур всерьез. Похоже, ее просто мучил незатейливо-незадачливый роман. Тем паче что в один прекрасный день я увидел ее в обществе весьма импозантного мужчины… Тут недалеко есть маленькое кафе, которое любят посещать актеры. Именно там я их как-то раз и застал. Похоже, они разговаривали о чем-то неприятном для Лизы, потому что она сидела мрачная и не смотрела на него. Проще говоря, наша Елизавета Андреевна «ковыряла взглядом стол» и явно была расположена к истерике. Я сел поодаль, поскольку не видел особого смысла в своем присутствии при беседе. Говорили они так тихо, что, ей-богу, сообщить вам, о чем шла речь, я бы не смог, даже если бы у меня вдруг и появилось бы такое странное желание. А вот чем закончилась это рандеву, я могу описать.

Он задумался и вдруг протянул руку к Рите.

– Сигарету, пожалуйста!

Рита, к моему удивлению, тут же протянула ему сигарету.

Первой моей мыслью было, что Донатовский так разволновался, что непременно захотел закурить. Собственно, так оно и было – он чиркнул спичкой, затянулся, но тут же потушил сигарету.

Я вдруг осознала, что в этот момент его рука с толстыми пальцами, описавшая полукруг, выглядит почти как женская с длинными и нежными пальчиками.

Как это у него получилось – не понимаю! Но я даже глазами захлопала, чтобы вернуться в реальность – потому что это показалось мне просто магией – как выразилась бы моя мамочка, «морок, да и только!»…

Действо тем временем продолжалось. На губах Донатовского появилась легкая полуулыбка с оттенком горечи, и он отвернулся в сторону, досадливо поморщившись.

Потом он посмотрел на невидимого собеседника с ненавистью, легко хлопнул ресницами, тоже как-то идеально по-женски, и сказал:

– Значит, мне не на что рассчитывать?

После этого он швырнул окурок и прошептал:

– Будьте вы прокляты!

Я сидела, оглоушенная, так как только что видела Лизу, и никаких сомнений в этом у меня не возникло.

Донатовский же, как заправский медиум, уже наблюдал за моей реакцией с легкой насмешкой.

– После чего она ушла, как блоковская Незнакомка. Загадочно дыша духами и туманами и все такое… Меня она

не соизволила даже заметить, будто меня не было в том пространстве, которое они занимали. Я даже почувствовал себя стариком Мерлином, провалившимся в четвертое измерение. Да к тому же я был чертовски занят ее кавалером, поскольку мне он показался весьма достойным внимания.

– Почему? – спросила я.

– А мой Тригорин… Я же должен с кого-то списывать жесты, взгляды, улыбки. Он крайне соответствовал, на мой взгляд, образу. Я даже пожалел, что отсутствует Федька, которому надо все это намотать на ус. Этот балбес чертовски красив, не спорю, но лоска ему не хватает. Вместо аристократа всегда появляется нувориш, не более… Так что я чуть не вскрикнул от обиды, что Федьки нет, дабы я показал бы ему, как надо вести себя настоящему джентльмену, а не разбогатевшему выходцу из трущоб… Кстати, Саша, знаете, как тот же Чехов характеризовал наших купцов? Дай бог памяти… Ах, вот. «Все они только случайно разбогатевшие обитатели трущоб». Впрочем, за точность цитаты не ручаюсь. Так и мой Федор примерно таков… Ну, ладно. Я отвлекся. Личность этого мужчины была столь примечательна, что я, затаив дыхание, боялся спугнуть момент. Он был настолько аристократичен, что это сквозило в жестах, и в обертонах голоса, и в улыбке. Сколько я мог его наблюдать? Одно мгновение, не больше… Я был обязан это мгновение ухватить! Посему я впился взглядом в этого типа. Он, к сожалению, отреагировал неадекватно на мой интерес. Злобно зыркнул на

меня глазами и вышел вон, что-то ворча себе под нос, тут же разрушив первое впечатление, как если бы Венера Милосская вдруг грязно выругалась и сплюнула сквозь зубы, мгновенно превратясь в рыбную торговку. Так что войти вглубь я не успел.

– Как это вглубь?

– Де-точ-ка, я же вам сказал, мы люди паранормальные. Я говорю о нашем умении входить в «малый круг»… Впрочем, о чем это я? Вы же никогда не сталкивались с учением Константина Сергеевича! Малый круг – это «внутреннее я» героя. Знаете, что это развивает? При желании по-настоящему талантливый человек может легко войти в глубь интересующей его личности. Такой телепатический экскурс, когда есть возможность уловить внутреннее «дао» человека.

– Какая жалость, что вы не успели этого сделать! – искренне воскликнула я.

– Да мне хватило и его внешности, – махнул он рукой. – Мне даже думается, что он был внешне воплощенным. То есть внутри он был точно таким же, как внешне. «Лондонский денди», у которого все разложено по полочкам, и он так утомился от этого занятия, что ему смертельно хочется спать. То есть я неправильно выразился. Ему хочется заснуть «смертельным сном». Так лучше и вернее…

Ого! Я начинала смотреть на Донатовского с интересом.

Судя по всему, этот человек мог дать мне куда больше, чем я на то рассчитывала!

* * *

Он увлекся. Он говорил, показывал, и я поняла, что этот человек, если с него снять эту «шелуху» псевдоноваторства, как это ни странно, гениален!

Он полностью погружался в образ: меняясь сам, он превращался в изображаемого.

Очень скоро я прекрасно знала, как выглядел собеседник Лизы, более того – я могла определить, что сей индивидуум наверняка относится к преуспевающим гражданам нашего общества.

И лишь одно оставалось покрытым мраком тайны – что связывало его с Лизой? Адюльтер, который она с наивностью восприняла как большое чувство?

Наша беседа с Донатовским подходила к концу. Он начинал нервно поглядывать на часы.

– Простите, – наконец решился он. – Дело в том, что на сегодня у меня назначена одна небольшая встреча. Так как это рандеву с дамой, я не считаю себя вправе опаздывать. Поэтому…

Он замер, ожидая нашей реакции.

– Да, конечно. Последний вопрос…

– Я слушаю, – кивнул он с готовностью.

– Вчерашний вечер… Вы ничего странного не заметили?

– В смысле? – удивленно вскинул он брови.

– Лиза никуда не спешила? Была ли она спокойной или, наоборот, – взвинченной? Вообще, в ней ничего не изменилось?

– Знаете, я ничего особенного не заметил… Разве что, напротив, если меня и удивило вчера что-то в Лизе, так это ее спокойствие. Нет. И она не только никуда не спешила, но, как мне показалось, ушла из театра одной из последних.

Больше он говорить был не намерен. Снова стал напряженным и деловито взглянул на часы.

Ну, что ж…

Я протянула ему нашу «визитку».

– Если вы что-то узнаете, позвоните. Хорошо?

Он кивнул.

– Хотя не могу вам этого обещать, – не удержался он от насмешливой улыбки. – Я все-таки не люблю сыщиков.

Глава 7

Из «бункерного театра» мы вышли в загробном молчании. Если этакая молчаливость свойственна Сережке, то мое нежелание разговаривать удивило меня саму.

Более того, отчего-то и мои мысли обрели мрачную окраску, будто я только что побывала в пристанище вампиров.

Еще этот ужасный туман! Сейчас он, казалось, засасывает в себя, как огромный троглодит, и более того – сам проникает в меня, превращаясь в туманную инстанцию.

Мы шли по улице, держась за руки, и наконец я поняла, что молчание становится невыносимым.

Мои мысли сбивались, и я никак не могла понять, «катит» Донатовский на подозреваемого или его надо из черного списка вычеркнуть с некоторым сожалением?

По каким-то деталям я вполне могла заподозрить его в убийстве. Тем более что иногда его «паранормальные» глаза зажигались лихорадочным огнем, и тогда я легко представляла его в образе маньяка. Если бы… Если бы с такой же потрясающей легкостью он не становился в одно мгновение совершенно иным!

Что там ни думай, а Донатовский – тип весьма загадочный. Чего стоят его рассуждения о смерти, которыми он порадовал меня в конце нашей беседы!

«Смерть, смерть – вот что является основой любого твор-

чества!» – увлеченно тараторил Донатовский, не обращая внимания на то, что Пенс уже пытается выбраться на свободу.

Словно опасаясь, что мы освободимся раньше, чем он выскажет нам наболевшее, Донатовский занял такую позицию, при которой без его воли наше освобождение становилось невозможным, – то есть, попросту говоря, встал между нами и вожделенной дверью.

«Посмотрите сами, молодые люди, что движет любым поэтом, любым драматургом? Все то же. О нет, не надо говорить мне о любви! Любовь ничего не значит, если она не связана со Смертью! Много бы интереса было у вас к Ромео и Джульетте, если бы они остались живы? Только Смерть и вызывает к себе вечный интерес, завершая бессмысленную картину человеческого существования! Только она придает этому хаотичному явлению хотя бы какой-то завершенный смысл! Поэтому нам становятся понятны гении только после того, как всемогущая Смерть поставит в их метаниях точку, и мы наконец догадаемся, что они хотели нам сказать!»

– Тела живых существ исчезли в прахе, и вечная материя обратила их в камни, в воду, в облака, а души их всех слились в одну, – вдохновенно процитировал он, все-таки выпуская нас. Его интерес к такому явлению, как смерть, был безусловен. Вот только что это было? Маниакальная страсть, вполне способная вылиться в извращенные формы, или простой юношеский, задержавшийся в сознании экзистенциализм?

Почему он, только что спешащий на встречу, вдруг начисто забыл о ней? Ему хотелось выговориться? Или убедить нас в чем-то?

Странная личность – этот человечек с горящими глазами… И понять его трудно, что-то в нем есть и отталкивающее, и в то же время возбуждающее жгучий интерес.

– А вот черт его и разберет, – пробормотала я, всматриваясь в туман, чтобы хотя бы определиться, где мы находимся.

Такого густого тумана я, сколько живу, – не помню! Видимость была настолько минимальной, что если ты возымел глупость задуматься и внезапно очнулся, определить, где находишься, можно было только с огромным трудом. Поскольку все предметы растворялись в серой пелене уже через несколько шагов.

– Просто ежики мы с тобой какие-то, – проворчала я. – Где мы хотя бы?

– На углу Волжской, – ответил Пенс.

Я призадумалась. Искушение было велико.

Недалеко отсюда находился высотный дом, и там, в одной из квартир улучшенной планировки, жила родная сестра Елизаветы Андреевны Ракитиной – Валерия Андреевна.

То бишь та, которую Рита внесла в черный список первой.

Та, которая могла знать о респектабельном джентльмене, встретившемся в кафе Донатовскому, немного больше.

Я остановилась. С одной стороны, если я не явлюсь пред очи моего босса, он начнет волноваться, и они совместно с

Ванцовым устроят невесть что! Но с другой…

– Почему бы мне не попробовать, – привела я, на мой взгляд, весьма убедительный довод. – Как ты думаешь, Пенс?

По его взгляду я быстро определила, что он ничего не думает. То есть мыслительные процессы в его лохматой башке, безусловно, происходят, но они совершенно не касаются проблемы, занимающей мое воображение. Своим вопросом я достаточно нахально вырвала его из размышлений то ли о последних гонках или о еще более животрепещущей проблеме – где достать столь любимый моим другом «Beos». Он вздрогнул и вылупился на меня с таким удивлением, будто я вообще явилась невесть из какого измерения и меня тут быть не должно. Осознав, что я тут и с этим надо смириться, Пенс трагически вздохнул и заморгал глазами.

– Ты о чем? – рискнул поинтересоваться он.

– О Валере, – пояснила я. – Она ведь живет недалеко отсюда. Может, стоит к ней наведаться?

Пенс посмотрел на часы.

– Четыре часа, – сказал он. – Вряд ли она сейчас дома…

– Принимая во внимание род ее занятий, она именно сейчас должна быть дома, – сказала я. – Более того, она обязана быть дома! Или ты не думаешь, что она скорбит по поводу постигшей ее утраты?

И тут Пенс сказал фразу, которая вертелась и у меня на кончике языка.

– Знаешь, Сашка, у меня создалось такое впечатление, что пока я не видел скорбящих.

«А Рита?» – хотелось спросить мне, но, подумав, поняла – Рита тоже почему-то не особенно скорбит!

– В конце концов, мы пока знаем не все Лизино окружение, – сказала я. – Пойдем. Попробуем познакомиться с ее сестрой.

* * *

Для того чтобы побыстрее добраться до Валериного дома от театра, надо было пройти парком…

Стоп.

Я остановилась.

Тем самым парком, где убили Лизу. То есть получалось, что именно к Валере она и шла.

– Пенс, как ты думаешь, могла она идти после спектакля к своей сестре?

– Почему ты так решила?

Я огляделась. Парк был обычным, старинным, с аллеями, украшенными бюстами с отбитыми носами.

Скорее всего даже ночью он не оставался совершенно безлюдным, но Лиза пошла не по аллее. Почему она, прекрасно зная о том, что такие прогулки опасны, потащилась через детские площадки?

Ночью это, пожалуй, самое безлюдное место… Какого же

черта она забрела туда, где вообще и днем-то с огнем никого не сыщешь, не говоря о ночи!

– И ничуть не ближе к выходу из парка, – сказала я задумчиво. – Так что мне совсем непонятно, как она там оказалась…

Решительно развернувшись, я быстро направилась именно туда.

– Сашка, я не успеваю за крутыми скачками твоих мыслей из стороны в сторону! – возмутился Пенс. – То мы собираемся посетить Валеру, то тебя несет в противоположную сторону, к контейнерам с мусором!

– Вот и я не могу ее понять, – проворчала я. – Почему она туда решила отправиться? Ведь не приволокли же ее туда силой!

– Могли напугать, – предположил Пенс.

– Ага, и по этой причине она побежала в самое безлюдное место? Логичнее было бы вырулить прямиком на проспект! По крайней мере там, если очень постараться, можно обнаружить ментов и пожаловаться им на преследование! Памятуя их безграничную запуганность нашим таинственным «душителем», они на все сто процентов не остались бы равнодушны к ее просьбе! А наша Лиза почему-то «гребет» к мусорке, как если бы она твердо решила для себя, что лучшего выхода, чем убийство, ей не светит! То есть получается, что она там назначила кому-то встречу?

– Почему ты думаешь, что она там назначила встречу?

– А что еще она тут забыла? Пошла собирать майонезные баночки, что ли? Может быть, мы имеем дело и с очень необычной дамой, я не спорю, но не до такой же степени! Ну-ка скажи – если бы тебе кто-то назначил встречу в таком жутком месте, в каком случае ты бы на нее отправился?

– Я бы вообще не отправился. Особенно ночью, – признался Пенс. – Если «кому-то» приспичило со мной поговорить о важном деле, пусть выберет место поприятнее, чем ночная мусорка! Даже если это часть парка. Это же все-таки далеко не лучшая его часть, согласись!

– А если он пообещал там ей объясниться в любви? – смело предположила я.

– У мусоросборника? – удивился Пенс. – Он что, панк? Нормальные люди вообще-то вряд ли захотят объясняться в любви в таком непрезентабельном месте.

– Ладно, – отмахнулась я. – Мог быть еще один вариант. Она шла к своей сестрице и вдруг увидела некую таинственную личность, которую мы обозначим «Х», с которой как раз была связана ее депрессия. Она его или ее видит и решает выследить. Предположим, она что-то такое подозревает. Скажем, что это маньяк. Давай так – мы ставим следственный эксперимент. Ты будешь этим таинственным маньяком, а я Лизой.

– Сашка, я не хочу.

– Чего ты не хочешь? – удивилась я.

– Быть этим твоим Х. Давай ты лучше пригласишь Дона-

товского. Он талантливый, а у меня никаких актерских данных! Я не справлюсь, честное слово! Бери с собой Донатовского, и разыгрывайте тут ваши «эксперименты»!

– Да я не могу, потому что он запросто может оказаться этим самым X! Как ты не понимаешь?! Он же может войти в образ и задушить меня нечаянно! Тебе меня что, совсем не жалко?

Пенс долго смотрел на меня, как будто решал, жалко ему или нет. Потом решил, наверное, что все-таки ему будет меня недоставать, и махнул рукой.

Я уже обрадовалась, но не тут-то было!

– Все равно, – заупрямился он. – Пойдем к этой Валере, а потом уже будем думать! Может быть, она хоть немного прольет свет на эти туманные обстоятельства?

Спорить с Пенсом – занятие бессмысленное. Даже ради меня он не пойдет на уступки, особенно, если ему в голову втемяшится, будто он будет по-идиотски выглядеть. А это ему до ужаса не нравится.

Я с тоской осмотрела парк, поняла, что мой «эксперимент», увы, не состоится, и смирилась.

Как-то я сегодня часто смиряюсь, интересно – ведет ли это к самосовершенствованию?

* * *

Мысли мои все время вертелись вокруг Донатовского. По-

чему-то пришла на ум реплика из «Чайки».

«Однако он же не выбрал какую-нибудь обыкновенную пьесу, а заставил нас прослушать этот декадентский бред».

Почему наш Донатовский выдернул из пьесы этот устрашающий монолог Нины? Ну, про людей, зверей и куропаток, которые взяли да повымерли?

Может, ему это ближе, чем лаконичная ясность и простота?

«Ну, естественно, ближе, Саша, – ласково заметил мой внутренний голос. – Но ты найдешь массу людей, так же увлеченно выписывающих и повторяющих «словесные кренделя», исполненные, по их мнению, высочайшего смысла, но никто из них не бегает по мусоркам за девушками! Просто сидят себе спокойно и сходят с ума в одиночку! Так что оставь Донатовского на время в покое и сосредоточься, например, на грядущей встрече с Валерой».

Тем более что мы вышли из парка, и из тумана уже выплывал угол высотного здания, в которое, собственно, мы так стремились.

– Как ты думаешь, нам тут хоть немножечко повезет? – спросила я у Пенса, втайне надеясь, что в нем проснется Дельфийский оракул.

Он лишь пожал плечами, сильно при этом меня разочаровывая.

– Хотя бы честно, – приуныла я, открывая дверь в подъезд. – Но я бы предпочла нечестную поддержку…

* * *

Валера обитала на пятом этаже. Вот чего терпеть не могу, так это лифты! Мало того, что, пока тащишься в нем, он воет и дребезжит, как старая несмазанная телега, готовая вот-вот развалиться, так он еще и зависнуть норовит, как какой-нибудь «Windows»!

Перед остановкой он взвыл, как сирена, крякнул и нехотя притормозил. Дверь со стоном открылась.

– Кадавр, – не удержалась я, когда отошла от этого «чудовища» на безопасное расстояние. – Даже рычит, как ужасное, голодное чудовище с одним глазом!

Пенс засмеялся.

– Неуместно, – сухо молвила я. – Все равно обратно пойдем пешком. Между прочим, весьма полезно для стройности ног и профилактики варикозного расширения вен.

Я огляделась и присвистнула.

– Да, неплохо устраиваются в нашей стране мастерицы стриптиза!

– Пип-шоу, – поправил меня Пенс.

– Да хоть поп-шоу, – хмуро отозвалась я, рассматривая с некоторой завистью красивую плиточку, которой были выложены здешние стены. Правда, на стенках моего подъезда содержалась масса полезной информации про «Х-материалы», «Земляничные поляны навсегда», «Металлику» и «Та-

ню-дуру», а тут было совсем нечего почерпнуть для развития ума и фантазии, кроме собственного отражения в чистеньких плиточках, но я уже достаточно развила свой интеллект, не правда ли?

– И как они умудряются поддерживать тут такую чистоту? – проворчала я, подходя к двери с номером «85».

Нажав на кнопку звонка, я стала ждать ответных действий со стороны невидимой обитательницы квартиры.

Никто мне навстречу с радостными объятиями почему-то не спешил.

Я снова нажала на звонок.

– Бесполезно, – сказал пессимистично настроенный Пенс. Наверное, на него все-таки повлияли декадентские настроения господина Донатовского. – Ее нет дома, я же тебе говорил.

По моим понятиям сдаваться было еще рано. Я с новой силой нажала на звонок.

– Сашка, – взмолился Пенс. – Пойдем, а? Ну, хочешь, я все-таки наступлю себе на горло и поучаствую в твоем «следственном эксперименте»?

Я окинула его презрительным взором. Вот чего, на мой взгляд, совершенно не хватает мужчинам, так это терпения.

И тут мое терпение было все-таки вознаграждено!

За дверью раздалось шлепанье босых ног, и женский голос поинтересовался:

– Кто там?

– Простите, нам нужна Валерия Ракитина, – бодро ответила я, сама удивляясь, почему мой голос стал таким «пионерским».

За дверью немного помолчали и осторожно спросили:

– А вы кто?

– Мы из частного сыскного агентства, – выпалила я. Сделала я это зря, поскольку женский голос тут же нагло мне соврал, что Валерии дома нет.

«Какая ложь», – мысленно возмутилась я, нимало не сомневаясь, что только что имела честь беседовать именно с Валерией.

Кровь тут же прилила к моим щекам, и я испытала такую обиду, что справиться с ней мне было трудно. Но я справилась.

– Валера, нам нужна ваша помощь, – взмолилась я.

Дверь приоткрылась.

Теперь в образовавшуюся щелочку мы имели возможность полюбоваться звездой стриптиза. Вернее, ее носом и опухшими от слез глазами.

– Я не могу вам ничем помочь. Даже если бы и захотела, – произнесла она. – К тому же все, что знала, я уже рассказала этому рыжему менту. Оставьте меня в покое, а? В конце концов, погибла моя сестра. И мне не хочется об этом говорить, ей-богу!

– Вы не хотите найти ее убийц?

– Вы все равно ничего не сможете, – произнесла она ед-

ва слышно, одними губами. – А перемывать косточки моей сестре я не расположена.

С этими словами она захлопнула дверь.

– Та-ак, – протянула я. – Вламываться не будем?

Кажется, я его сегодня измучила своим нетривиальным подходом к делу! Он посмотрел на меня с таким испуганным и несчастным видом, что я тут же ответила:

– Ладно, не будем…

Пенс с облегчением вздохнул.

– Но есть смысл за ней последить.

– Зачем? – удивился Пенс.

– Она знает куда больше, чем рассказала, – сурово ответила я.

– А не проще поговорить с Ванцовым? – спросил меня Пенс.

– Нет, не проще, – отрезала я. – Ванцов становится ужасно вредным, когда я, по его мнению, начинаю своевольничать. Как и наш милый Андрей. Это же менты, а менты все довольно самолюбивые ребята.

– Как и ты.

– Я не самолюбивая! – возмутилась я. – Просто меня вся эта история ужасно заинтересовала. Как ты этого не понимаешь?

– Понимаю, – с готовностью кивнул Пенс. – Но все-таки почему бы нам не зайти к Ларикову? У него могут оказаться новые сведения о твоей Лизе Ракитиной. А последить за

Валерой мы всегда успеем. И потом, – может быть, у нее сегодня такое настроение, а завтра она сама к тебе примчится, чтобы ты помогла найти убийцу ее сестры! Ты же сама любишь говорить, что сыщику необходимо прежде всего терпение!

Я задумалась. В конце концов…

– И потом, как мы будем следить за твоей Валерой в этаком туманище?

Последний довод был самым убедительным. Мне пришлось согласиться с ним, и я вздохнула.

– Ладно. Пошли к Ларикову. А то он, наверное, поднял на ноги Интерпол, пытаясь найти меня уже где-нибудь на Гаити! Они же с Ванцовым психи, им все время кажется, что за мной бегает толпа маньяков! Того и гляди, засунут меня в бочку с краской, чтобы перекрасить в негритянку!

Глава 8

Знаете ли вы, в чем прелесть любой непогоды, включая туман?

Вы почти целый день, продрогший и печальный, расхаживаете по городу, распространяя вокруг себя, как огни святого Эльма, мрачные мысли и безысходность, и только одна мысль греет вас на протяжении всей прогулки – где-то есть небольшая, уютная квартира. Там свистит чайник, из кухни уже доносится приятный запах кофе, а на кресле, поджидая вас, приютился теплый плед.

Миновав еще парочку темных и туманных улочек, мы оказались наконец-то прямо перед домом Ларикова, и я облегченно вздохнула.

– Пенс, иногда ты потрясаешь меня мудростью, – сообщила я. – Иногда твои идеи не лишены здравого смысла! Хотя следственный эксперимент нам все равно проводить придется, просто будем надеяться, что завтрашний день будет ясным и теплым.

Открыв дверь, мы вошли, и тут же встретились с суровой реальностью в образе разгневанного Ларикова.

Он стоял, загораживая проход в комнату, и смотрел на нас исподлобья.

– Ну-с? – спросил он, гневно раздувая ноздри. – Можно поинтересоваться, что все это значит?

– Что? – я постаралась, чтобы мой ответ прозвучал гордо и спокойно.

– Как это что?!

– Да, мне интересно, что ты имеешь в виду, – пояснила я, стаскивая с ног промокшие ботинки. – И, кстати, есть ли у нас горячий напиток? Кофе, глинтвейн, чай?

– Найдется, – хмуро кивнул Ларчик. – Но только после того, как ты мне объяснишь, где вы мотались.

– Культурные развлечения, друг мой, как мне внушала мама, являются неотъемлемой частью выходного дня интеллектуально развитой личности, – произнесла я. – А ты скучал без нас?

– Тебе же было сказано: не разгуливай по городу! – прошипел он.

– Я же не одна разгуливала, а с Пенсом! – возмутилась я. – Или мне теперь не выходить из дома вообще, пока вы не поймаете этого вашего любителя рыжеволосых женщин? А если вы его вообще не сможете поймать? Если он будет терроризировать Тарасов, пока я не состарюсь и не поседею? Может, мне лучше покраситься в серо-буро-малиновый цвет?

Кажется, он сдался и признал мою правоту.

Что-то пробурчав, он удалился на кухню, и очень скоро мои мечты стали явью – всегда говорила, что надо мечтать о малом! – поскольку я устроилась в кресле под пледом, а передо мной дымился кофе и на фарфоровом блюдечке ожидали тосты с брусничным джемом.

Теперь, когда мое маленькое счастье состоялось, я могла приступить к интересующей меня теме.

– Ванцов, кстати, не звонил? – деланно-равнодушным тоном спросила я.

– Звонил, – кивнул Ларчик.

– Ну, и как? Удалось выйти на след этого Страшилы?

Я бросила неодобрительный взгляд на «настенного урода». Надо ж было так испортить мою жизнь своим существованием! Теперь я даже прогуляться одна не могу – только с вооруженным до зубов отрядом!

– Ничего, – пожал плечами Ларчик. – Как всегда. Но с Лизой, похоже, тот же случай… По крайней мере, какой-то старикан, выгуливающий там своего мопса, видел как раз этого типа.

* * *

Вот уж поворот так поворот!

Я этого абсолютно не ожидала…

У меня уже было выстроилась теория – ну, хорошо, хорошо! Еще не выстроилась… Но уже близка к выстраиванию!

Можно, конечно, продолжать упорствовать, даже если я пребываю в заблуждении. Тем более что именно так я и поступлю! Ведь это мог быть подслеповатый старикан?

– Может, он плохо видел, твой старикан? – произнесла я последнюю мысль вслух.

– А ты, стало быть, в таком случае плохо слышишь, – усмехнулся Ларчик.

– Не вижу логической связи, – отпарировала я.

– Тише, – заметил из угла Пенс. – Ребята, последнее время вы только и делаете, что изображаете из себя врагов. Я от этого уже утомился.

– Тогда объясни своей подруге, что незачем вешать на неизвестного преступления, совершенные маньяком! Плюс к этому, вразуми ее еще и относительно того, что совсем небезопасно в данный исторический момент шляться по улицам!

– Ничего себе историк! – возмутилась я. – Конечно, иногда нашу историю делают маньяки, не спорю, но не этот же!

Мы были близки к настоящей схватке! Ларчик набычился, а я вся раскраснелась, и в моих глазах сверкал радостный блеск, как у Орлеанской девственницы перед схваткой.

И все-таки я взяла себя в руки и, переведя дух, сказав себе магическую формулу: «Саша, этот человек недостоин такого пыла», – спросила:

– А кто давал показания первым?

– Не знаю. У Ванцова спроси, – ответил Лариков, тоже присмиревший.

Не удивлюсь, если и он сказал себе, что «Саша недостойна этакого возмущения!»

– Ладно, – вполне миролюбиво спросила я. – Тем более Ванцов мне так и так нужен. Потому как чертова Валера ни-

чего нам с Пенсом не сказала, отправив нас за информацией именно к нему.

* * *

– Что?! – взревел Лариков. – Значит, ты, презрев мои запреты, занималась подпольным расследованием?

Ничего себе… Значит, «подпольщица Саша», да?

Прямо какие-то «вихри враждебные» получаются!

– Почему подпольным? Меня совершенно открыто, официально попросили о помощи. Могу отослать тебя к Рите, которая, собственно, и является в данный момент моим клиентом. Так что давай не будем сотрясать воздух воплями возмущения и обзывать меня нехорошими словами!

– Саша, когда в деле появляется некий господин, называемый «маньяком», частным детективам надо отойти в сторону! Маньяками, к твоему сведению, могут заниматься только государственные органы! Тебе перечислить, что входит в нашу работу?

– Ах, надо отойти в сторону? – возмутилась я. – Тогда какого черта ты-то не отходишь в сторону? Отойди! Но, как я поняла, ты помогаешь Ванцову и никуда не собираешься отходить! Это первое. А второе… Вы меня еще не убедили, что Елизавета Ракитина – жертва маньяка! И не убедите! Хоть целые лекции мне прочтите, я в это не поверю никогда! По одной простой причине…

– По какой еще причине, Саша? Его видели, ты это понимаешь? Или просто не желаешь понимать? Но деться-то некуда… Ви-де-ли!!!

– Да плевать мне, что там видели твои глухослепые стариканы! Может, у них просто фантазия сработала? Вы этого монстрилу повсюду расклеили, вот им и мерещится! Ты сам поставь себя на Лизино место! Ты вышел из театра, время близится к полуночи. Предположим, тебе, чтобы попасть в нужное место, надо пройти парком. Место, согласись, для ночных прогулок в гордом одиночестве никак не подходящее, а тут еще тебя преследует «наш друг душитель». Неужели ты побежишь в самое безлюдное место? Даже если ты очень перепуган. И относительно старикана этого – я бы рванула прямо к нему! Мне было бы наплевать, что он старый и не сможет отстоять мою жизнь и честь! Потому что он все-таки человек, и у него есть собака! Пусть даже простенький мопс, но и мопсы кусают за пятку! А Лиза почему-то тащится на помойку, минуя старика с собакой! Так что, если принимать априори вашу с Ванцовым версию, у нас получается, что Лиза просто мечтала стать жертвой маньяка! И делала для этого в тот вечер все возможное! «Ах, какая удача, – думала она согласно вашей версии. – Надо только завести его поглубже и подальше, чтобы никто не помешал нашему сеансу садомазохизма!».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.